

Ю. А. Шичалин

«ГРОЦИЙ – МУЖ ОТ РОЖДЕНИЯ»
(«Адам изгнанный» – гуманистическая драма
на ветхозаветный сюжет)

Гуго Гроций (1583–1645) – один из величайших умов золотого века Нидерландов и блистательная фигура европейского масштаба. Более всего он знаменит как юрист, основатель международного права и философии права, автор многочисленных сочинений, из которых наиболее известен трактат «О праве войны и мира», переведенный и на русский язык (кн. 1–3. М., 1956). Помимо этого Гроций, принадлежавший к возрожденскому типу homo universalis, был также крупным политическим деятелем и дипломатом; историком, чьи труды по истории Нидерландов не потеряли значения до сих пор; филологом, к чьим изданиям, комментариям и переводам и сегодня обращается серьезный исследователь Еврипида и Сенеки, Арата и Марциана Капеллы, Иордана и Павла Диакона; драматургом и поэтом, писавшим стихи латинские и голландские. Но слава Гроция-юриста заслоняет от потомков прочие стороны его дарования, восхищавшие современников; историческая перспектива опасно искажает облик, своим величием грозящий нарушить ее законы.

Филолог-классик еще отыскивает в библиотеках изданных Гроцием авторов; но даже историк литературы не всегда вспомнит Гроция-драматурга и поэта. Статья о Гроции – прогрессивном мыслителе – есть в «Философском энциклопедическом словаре», но «Краткая литературная энциклопедия» поэта Гроция не знает.

Между тем с переводами нескольких его стихотворений на русский язык читатель может познакомиться. Еще в 1844 г. П. Корсаков включил в свое собрание «Опыт нидерландской антологии» «Стихи в альбом Даниилу Кемпенару, написанные 27 марта 1621 г. Гугоном Гроцием».

*Кто век свой узником проводит весь, как мы –
Из чрева матери, своей живой тюрьмы –
На свет выходит белый,
Чтоб душу запереть в тюрьму другую – тело,
И заключиться вновь в подземной тьме гробниц, –
Того ли утрашит звук уз и мрак темниц?*

Стихи снабжены справкой: «Известно, что знаменитый Гуго де Хроот, или Гугон Гроций, приговорен был к вечному заточению в замке Луфенстейн и не иначе освобожден оттуда, как героической решимостью своей жены». Из справки П. Корсакова ясно, что бури первой половины неспокойного XVIII в. – времени Генриха IV, Маурица Оранского, Людовика XIII, Ришелье – коснулись и Гроция; но по шести стихам приводимого перевода ничего нельзя сказать о поэтических достоинствах нидерландского оригинала. В переводе А. Парина латинские стихотворения Гроция вошли в собранный Е. Витковским сборник «Из поэзии Нидерландов XVII века» (Л., 1983); но помещенная там небольшая подборка скорее может привлечь внимание читателя на многосторонность личности великого юриста, чем дать представление о поэтическом даровании «знаменитого Гугона».

Между тем собрание поэтических произведений Гроция издавалось не раз (пятым издание «Poemata» вышли в 1670 г.), а о том, какое впечатление производили его трагедии, в частности тот же «Адам изгнанный», на современников, можно судить по отзывам просвещенных друзей Гроция. «И в мирных занятиях, и в тяжелых трудах Марса белги равны грекам и римлянам. Однако в области духовной нерешительные

попытки состязаться с ними до сих пор не заслуживали безусловного одобрения и тем более не приводили к победе: до сих пор никто не дерзал встать на трагические котурны, и только в этом белги терпели поражение. Но – наконец-то! – благодаря сочинению Гроция превосходство достигнуто, и ныне Греция – уступила, и уступила Авсония»¹. Так писал Иоганн Мейрсиус по поводу «Адама». Фр. Рапполт, издавший в 1679 г. сочинение «Аристотелева поэтика, или Описание древней трагедии», в каком-то сочинении излагался также «всеобщий принцип трагедии», в качестве образцов трагического искусства привел и разобрал «Троянки» Сенеки и трагедию Гроция «Христос-страстотерпец»². Материалы настоящего томв дают ясное представление о том, насколько высоко ценил и скольким был обязан Гроцию Вондел, который, в частности, перевел на голландский язык трагедию Гроция «Софомпанеас»³.

Еще в XIX в. трагедии Гроция издавались в составе «*Tragodiae selectae Latinorum recentiorum*» (Monachii, 1845); в 1839 г. «Адам» был переведен на английский язык; и в XX в. знатоки Гроция-поэта высоко ценили его драматургию, видя в «Адаме», например, «высшее осуществление драматических возможностей столь частого в литературе мотива грехопадения»⁴.

И все же Гроций – поэт и драматург почти забыт. Почитаемый в Голландии Гроций все еще ждет современного критического издания своих поэтических произведений. Начатое в 1970 г. издание «*De dichtwerken van Hugo Grotius*» (вышедший в Ассене первый том представляет собой фототипическое воспроизведение «*Sacra in quibus Adamus Exul*» 1601 г. с голландским переводом, но без комментариев) не завершено. Предлагаемые в настоящем томе русский перевод «Адама изгнанного» и комментарий к нему – начало работы над критическим освоением поэтического наследия Гроция.

Итак, «Адам» был издан в 1601 г. Присмотримся к тому, как складывалась жизнь Гроция до сих пор⁵. Гуго Гроций (Hugo Grotius – латинизированная форма голландского *Huig De Groot*) родился 10 апреля 1583 г. в Дельфте. Его отец, Ян де Грот (член Дельфтского Городского Совета, затем бургомистр, с 1594 г. – куратор в 1575 г. основанного Лейденского университета), был дружен со многими видными государственными деятелями и знаменитыми учеными своего времени. Среди его друзей – Ян ван дер Дус, Юст Липсий, Жозеф Жюст Скалигер, Франциск Юний – учителя Гуго Гроция в Лейденском университете, куда он был записан по факультету литературы 3 августа 1594 г. в возрасте 11 лет. Уже восьми лет Гроций писал латинские стихотворения, притом что, помимо родного голландского и латинского, он овладел древнегреческим, древнееврейским, сирийским, арабским, французским, немецким, возможно, английским. Замечательные способности Гроция скоро сделали его известным не только среди университетских наставников и соучеников и не только в Голландии, но также, благодаря счастливым обстоятельствам, и за ее пределами. Пятнадцати лет (в апреле – мае 1598 г.) в составе дипломатической миссии Объединенных Провинций к

¹ Перевод по изданию: *De dichtwerken van Hugo Grotius*. Assen, 1970. P. 31.

² D. Fr. Rappolti. *Poetica Aristotelica sive Veteris Tragoediae expositio, qua ex mente Aristotelis... universae tragoediae ratio explicatur et exemplis L.A. Senecae in Troadibus et Hugonis Grotii in Christo Patiente illustratur*. Lipsiae, 1679.

³ J.V. Vondels. *Sofompaneas of Joseph in't Hof*. Treurspel, Vertaelt wyt het Latijn van H. de Groot. Amsterdam, 1635.

⁴ Eysinga W. J. M. *van*. Hugo Grotius. Eine biographische Skizze. Basel, 1952. S. 33.

⁵ О жизни Гроция, помимо работы ван Эйзинги, см. также: *Brandt C.* Histoire van het leven des herren Huig de Groot. Amsterdam, 1727; *Burigny J.L. de.* Vie de Grotius avec l'histoire de ses ouvrages et de negotiations auxquelles il fut employé. P., 1770; *Luden H.* Hugo Grotius. Nach seinen Schicksalen und Schriften. B., 1806; *Gaumont A.* Etude sur la vie et les travaux de Grotius. P., 1862; *Knight W. S. M.* Life and Works of Hugo Grotius. L., 1925.

Генриху IV, в качестве друга и компаньона сына Олденбарневелта, Гроций приезжает в Анжер; его представляют королю, который после беседы с юношей произнес знаменитое «Voilà le miracle de Hollande»^{*}. Среди многочисленных знакомств, завязавшихся у Гроция во время этой поездки, одно имеет отношение к первой написанной Гроцием трагедии: у пятнадцатилетнего Гроция установились близкие отношения с десятилетним принцем Генрихом II де Конде, которому Гроций и посвятил собрание своих поэтических произведений «Sacra», открывавшееся «Адамом изгнанным».

В посвящении Гроций достаточно подробно характеризует свою трагедию, и эту характеристику имеет смысл привести здесь: «Все время, свободное от занятий юриспруденцией, историей и искусством политики, все часы, так сказать, передышки и досуга стремился я посвятить такому виду сочинительства, в коем мог бы разом охватить множество предметов разнообразных и собою привлекательных. И вот я решил писать трагедию, ибо видел, что сравнительно с иными видами поэзии в оном век наш не слишком успешлив. Содержанье избрал я Священное. Ты удивишься: «Ужели?» – И будешь прав: по нынешним временам, неосмотрительно трактуя священные темы, можно скорее уязвить большинство, нежели порадовать. Но я всего более стремился так смирать перо, чтобы не было в написанном ничего, задевающего кого-нибудь из христиан. Я беру первый драматический эпизод Священного Писания – катастрофу, то есть падение человека и переход его из состояния невинного и блаженного в нынешнее жалкое, и трактую множество философских вопросов, в особенности метафизические (о Боге, Ангелах и душах); помимо этого – физические (о творении мира), этические (по разным поводам, как у всех авторов трагедий), географические и иной раз астрономические; а что все это подмосткам отнюдь не чуждо, учит меня пример Еврипида, Эпихарма и Энния. Так в одно и то же время служил я благочестию, мудрости божественной и человеческой, и поэзии».

Имея в виду религиозные разногласия того времени, постоянно грозившие перейти и переходившие в политические столкновения, можно понять опасения Гроция, написавшего трагедию на библейский сюжет. Но самый выбор библейской истории для написанной по античным образцам трагедии в то время не был чем-то необычным: библейские сюжеты не раз излагались в Голландии XVI в. языком Теренция или Плавта. Выбор Гроция был вполне в духе шедших рука об руку гуманизма и реформации. Оценивая этот выбор, нельзя не вспомнить, что к Библии призывал обратиться сцену Лютер⁶, а основы критического отношения к текстам Священного Писания были заложены Эразмом Роттердамским, величайшим гуманистом Голландии, с которым Гроция сопоставляет Вондел, когда, скорбя о кончине великого сына Дельфта, он стремится достойно оценить его величие.

Для Гроция времени написания «Адама» его отношение к религии и Священному Писанию еще не было связано ни с прямым участием в религиозных распрях, ни с политикой, – со всем этим ему придется столкнуться позднее; а пока Гроций надеется писать так, чтобы не задеть никого из христиан: выбор ветхозаветной тематики был для него оправдан в первую очередь мотивами гуманистически окрашенного просвещенного благочестия, предполагающего индивидуальное переживание и самостоятельную трактовку событий Священной истории.

---

* «Вот чудо Голландии!» (фр.)

⁶ Как в свое время писал А.А. Гвоздев, «... борясь с католицизмом, реформаторы решительно выступают против мистерий и мистериальных процессий, объявляя их «идолопоклонством». Но протестанты не отказывались от театра как от средства воздействия на горожан. Они лишь выдвигают новую тематику и дают новое истолкование прежних сюжетов. Лютер указывал на Библию как на источник новых драматических сюжетов» (Гвоздев А.А., Пиотровский А. История европейского театра. М.; Л., 1931. С. 579).

Традициями гуманистической учености Гроций следует и тогда, когда берется изложить в трагедии множество философских, физических, этических, географических и астрономических вопросов. Гроций ссылается на пример великих драматургов древности. Однако непосредственная традиция, к которой примыкает здесь Гроций, пишущий назидательную пьесу для юного Анри Конде, – традиция школьного латинского театра, который расцветает в Голландии в первой трети XVI в. и в равной степени выражает тенденции гуманистические и протестантские. На правах старшего Гроций заботится о духовном развитии принца, которому он уже посвятил свое издание свода семи свободных искусств – сочинение Марциана Капеллы⁷. По составленному Гроцием и отчасти воспроизведенному у нас в комментариях индексу к «Адаму» видно, с какой обстоятельностью он толкует объявленные им в посвящении вопросы; поэтому в целом при чтении трагедии приходится не столько удивляться ее научной оснащенности, сколько констатировать естественность и поэтическую непосредственность, с какой Гроций демонстрирует свою ученость.

Чтобы яснее понять разнообразие жанровых традиций, впитанных Гроцием, обратим внимание на то, как он говорит в посвящении об избранном сюжете. В латинском оригинале приведенного фрагмента читаем: «*Historia est prima quae im Sacris occurrit Literis & Catastrophen habet, Hominis ex integro felicique statu in hanc miseriam lapsus*». Английский биограф Гроция Найт переводит это следующим образом: «*It [the poem] elaborates the first grand historical event recorded in the inspired volume, the dreadful catastrophe of the Fall of Man*»⁸. Однако слово *historia* в данном случае имеет, очевидно, техническое значение: «сюжет [драматического произведения]». Такое понимание слова *historia* заставляет внимательнее присмотреться к сюжету «Адама».

В самом деле, в пьесе Гроций достаточно точно и полно воспроизводит текст Книги Бытия 1–3, причем иные фрагменты пьесы кажутся поэтическим переложением стихов Ветхого завета. Мало того, библейский пласт в пьесе не ограничен Книгой Бытия, и из комментариев видно, насколько широко Гроций пользуется библейской образностью. Однако ни начальный монолог Сатаны (пролог), ни неудачная попытка искушения Сатаной Адама из библейских текстов объяснены быть не могут. Найт указывает⁹, что Гроций обратился к теме грехопадения под влиянием знакомства с сочинением Св. Авита, ок. 500, написавшего «*Poematum de Mosaicae Historiae Gestis libri quinque*». Действительно, сравнивая с Гроцием гекзаметры епископа Вены, мы можем найти общие моменты. У Гроция сопоставима с Авитом разработка мотива божией зависти при искушении Евы, которая, поначалу не веря Сатане, просит разъяснить смысл запрета (Migne, PL, v. 59, p. 333 B–D); момент, непосредственно предшествующий вкушению Евой яблока, когда рассудком она согласилась с Искусителем, но десница не слушается ее (p. 334 B); возвращение Адама с одинокой прогулки к нарушившей запрет Еве (p. 334 C); эпизод соблазнения Адама Евой (p. 334 C–D). Но у Авита в согласии с Книгой Бытия Сатана, в виде змия, соблазняет только Еву, и Адам – в отличие от развития действия у Гроция – сразу поддается уговорам Евы (p. 334 D). Хотя знакомство Гроция с переложениями первых глав Книги Бытия у христианских авторов весьма вероятно (ср., например, описание Эдема у Гроция и стихи 180–205 из первой книги поэмы Драконтия «Хвала Господу»¹⁰), все же драматическую разработку ветхозаветной истории грехопадения Гроций заимствует не у них, а из традиций средневековой народной драмы.

⁷ Martiani Minei Felicis Capellae Satyricon. Leiden, 1599.

⁸ Knight W. S. M. Op. cit. P. 50.

⁹ Ibid. P. 50–51.

¹⁰ В русск. пер. М. Л. Гаспарова в кн.: Поздняя латинская поэзия. М., 1982. С. 187–205.

Народная драма, возникающая в XII в., была тесно связана с литургическими действиями: рождественским и пасхальным. Основным эпизодом рождественского действия, *Stella* – явление звезды Рождества, дополнялся эпизодами из Ветхого завета, *Prophetae* – явлением пророков. К этим двум эпизодам очень рано стали добавляться другие, в результате чего составляет рождественский цикл, начинавшийся творением ангелов и падением Люцифера, продолжавшийся творением мира в пять дней и творением Адама и Евы – это и был первый библейский сюжет (*prima historia*), подлежащий драматическому развитию; далее могла идти история Каина и Авеля; затем следовал Ной и другие эпизоды ветхозаветной истории¹¹.

Знаменитый англо-норманский фрагмент XII в. «Действо об Адаме» – «*Ordo representationis Adae*» (диалогические части на старофранцузском языке, хоры и ремарки на латыни) дает представление о том, как трактовалась ветхозаветная история грехопадения в народных драмах. Бог, называемый *Figura*, дает наставления Адаму и Еве, вводит их в Сад и затем удаляется внутрь церкви; Адам и Ева остаются на сцене, а вокруг сцены носятся демоны. Дьявол пытается соблазнить Адама, но тот не поддается. Тогда Дьявол держит совет с другими демонами, после чего обращается к Еве, но сначала не достигает цели, поскольку Еву остерегает Адам; и только затем, в виде змия, *serpens artificiose compositus*, ему удается соблазнить Еву: Ева срывает яблоко и предлагает Адаму, тот поначалу отказывается, но потом доверяется Еве и есть яблоко¹².

Введение в историю грехопадения неудачной попытки Дьявола соблазнить Адама – простое и в то же время очень эффективное средство придать действию динамический характер, развитость и остроту. То, что Гроций использовал эту старую находку выходящей из литургических действий народной драмы, представляется совершенно понятным¹³.

Наконец, есть еще одна жанровая традиция, без которой правильное прочтение «Адама» невозможно. Речь идет о трагедиях Сенеки. Не Теренций или Плавт, а Сене-

---

¹¹ Подробнее см.: *Chambers E. The Medieval Stage. Vol. II. P. 68–73*; там же см. образцы циклов: р. 408. (Падение Люцифера; Творение мира в 5 дней; Ной и его ковчег; и т.д.), р. 410 (Творение ангелов и падение Люцифера; Творение мира в 5 дней; Бог создает Адама и Еву; Адам и Ева в Эдемском саду; Адам и Ева изгоняются из Эдема; Жертвоприношение Каина и Авеля; Построение башни; Ной и его ковчег; и т.д.), р. 417 (Падение Люцифера; пять дней творения и падение Адама; Каин и Авель; Ноев ковчег; и т.д.); сводная таблица сюжетов циклических мираклей – р. 321.

¹² *Le mystère d'Adam /Éd. par P. Studer. Manchester, 1918; ed. P. Aebischer. P., 1963*; текст издавался неоднократно и ранее (см. *Chambers. Vol. II. P. 70. n 3*; анализ действия – р. 80–82); фрагменты текста с русским переводом воспроизведены в старой работе П.Н. Полевого «Исторические очерки средневековой драмы» (СПб., 1865). Фрагменты старофранцузского текста (с переводом на русский язык) и их анализ см. также в кн.: *Ауэрбах Э. Мимесис. М., 1976. С. 154–169*. См. также характеристику «Действа об Адаме» в написанной Ю.Б. Виппером главе о драматургии зрелого Средневековья в кн.: *История Всемирной литературы. Т. 2. С. 587–588*.

¹³ Найти конкретный источник Гроция трудно. Однако при этом следует учитывать, что рождественские театрализованные представления были обязательной частью городской жизни Голландии XV–XVI вв. С традициями средневековых религиозных драм в Голландии теснее, чем где бы то ни было, была связана школьная латинская драма (*Chambers. Vol. II, p. 216–217*). Не будет преувеличением сказать, что с точки зрения сюжетной «Адам» Гроция естественно продолжает долгую историю рождественских циклов, поскольку в принятом порядке разрабатывает эпизоды восстания ангелов и свержения Люцифера (хор первого акта), творение мира в пять дней, создание первых людей (второй акт с хором, прославляющим творца и творение), соблазнение и падение Адама и Евы (акты третий и четвертый) и их изгнание из Рая (акт пятый). Писавший в той же традиции Вондел разрабатывает и следующий эпизод цикла – Ной и его ковчег, тем самым завершая историю «первого человечества». Попутно заметим, что прекрасной иллюстрацией к «Адаму» Гроция служит левая часть триптиха Босха «Воз сена» (1500–1502), где изображено свержение мятежных ангелов, творение Евы, сцена соблазнения Евы и Адама и изгнание первых людей из Эдема.

ка – образец для Гроция. Над текстами Сенеки Гроций работал как филолог, и Томас Фарнабий (Th. Farnabius), вторично издавая трагедии Сенеки в Амстердаме в 1654 г., с благодарностью учитывает *censuras, varias lectiones coniecturasque insignes Cl. V. Hugonis Grotii*. Гроций, приветствуя Фарнабия в связи с первым изданием трагедий Сенеки, называет римского драматурга высочайшим светилом (*suprema lux*) подмостков.

Драматическое искусство Сенеки так усвоено Гроцием, что в его трагедии нет фрагмента (за исключением, пожалуй, хора из разных лирических размеров), который не имел бы аналога в трагедиях Сенеки; и вместе с тем трагедия Гроция настолько цельна и настолько органично связана с традицией христианских действий на библейские сюжеты, что менее всего можно говорить о механических заимствованиях у Гроция из Сенеки. И здесь еще раз отметим непринужденность, с какой юный Гроций преодолевает разнородность совмещаемых традиций.

Как для Гроция Сенека – образец трагического искусства, так для читателя Гроция Сенека – необходимый фон для стилистически правильного понимания «Адама». Нельзя сказать, что Гроций, начиная драму монологом Сатаны, воспроизводит начало «Агамемнона» Сенеки; но без этой параллели образ Сатаны повисает в стилистическом вакууме, – потому что Сатану Гроция нельзя представить Чертом народных действий¹⁴.

Тень Фиеста:

Покинув царство Дита беспросветное,
Пришел я, выпущен из бездны Тартара...¹⁵

Сатана:

Громовержца злого враг, небесной родины
изгнанник, ныне мрак глубокий Тартара
и вечной Ночи черный я покинул свод¹⁶.

Сатана Гроция выходит на котурнах Тени Фиеста Сенеки и на те же подмостки, что и Хор аргосских женщин («Агамемнон», 100–104), выходит Хор ангелов у Гроция («Адам», 233–241).

Фортуна ввысь возносит лишь с тем,
Чтобы сбросить вниз. Чем скромнее, тем
Долговечнее все. Счастлив тот, кто с толпой
Разделяет удел – и доволен им...

Кто с высоких круч мироздания вниз
взглядом дерзких глаз взирает на тех,
чей удел убог, – не пришлось бы тому
давящее зреть крушение своей
мощи: с высот всегда тяжелей

¹⁴ Поэтому можно сказать, что – через посредство Гроция – чертами «мрачной величавости» (*Аверинцев С.С. Сатана // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 414*) образ Сатаны у Вондела (а потом и у Мильтона) обязан в конечном счете Сенеке, притом что стилистически персонажи Вондела (и Мильтона) решены совершенно иначе.

¹⁵ Здесь и далее Сенека приводится в переводах С. Ошерова.

¹⁶ Sen. Ag. 1–2:

Opaca linquens Diti inferni loca,
Adsum profundo Tartari emissus specu...

Grot. Ad. 1–3:

Saevi tonantis hostis, exul patriae
Coelestis, adsum, Tartari tristem specum
Fugiens, et atram Noctis aeternae plagam...

паденье, а кто легковесней, для тех
и паденье легко. Большой груз лежит
на блаженных, и чем ты больше велик,
тем твой больше страх.

При этом не столь важно, что у самого Сенеки мы имеем дело, в данном случае, с общим местом, мыслью, встречающейся в «Федре» (1124–1125: «Но меньше гнетет тех, кто меньше, судьба, И что легче, то боги легче разят») и «Геракле безумном» (202: «Падать доблести в прах с высоты страшной») и восходящей в трагедии еще к Софоклу.

Вот еще несколько стихов:

Со мной погибнуть можно, без меня – нельзя...

Хочешь смерти ты?

Умру я раньше. Будешь жить – пойду вослед.

Это говорит не Ева Адаму, решившему умереть после вкушения запретного плода («Адам», 1800–1810), а Антигона Эдипу («Финикиянки» 67, 75–76).

Что здесь за край? Страна? В котором поясе?

Где я?..

И это слова не Адама, осознавшего свое падение (1589–1593), а приходящего в себя Геркулеса («Геркулес в безумье», 1138–1139). Стих 967 из «Адама» (*Адам*: Изгнанник, прочь! *Сатана*: Вас также ждет изгнание.) не может не напомнить последние стихи из «Агамемнона» (*Клитемнестра*: Умри, Безумная! *Кассандра*: Придет и к вам безумие). Пусть скорбит весь мир – эфир, Титан, море и земля, – призывает скорбящий о бедах Геракла хор фиванцев («Геракл в безумье» 1054 слл.) и хор ангелов, оплакивающий падение Адама (1468 слл.). Другие параллели между трагедиями Сенеки и «Адамом» указаны в комментариях.

Выше речь шла о том, что появление «Адама» восторженно приняли современники Гроция. Из многочисленных отзывов приведем слова Даниела Хейнсия, который впоследствии прославился не только как филолог и издатель античных авторов, но и как поэт, чьи стихи были заметным явлением в литературе Нидерландов и через Мартина Опица оказали влияние на немецкую литературу: «Природа, оная повитуха и кормилица, которая до сих пор для всех была мачехой, Гроцию стала матерью. Этот юноша-старец, кем восхищается Батавия, на кого заглядываются этруски и галлы, – он возмужал еще мальчиком: ибо прочие становятся мужчинами с возрастом, а Гроций – муж от рождения»¹⁷.

Гроция всерьез волновала дальнейшая, сценическая, судьба его детища. В письме от 12 марта 1602 г. к Николаю Фаберу (Lefèvre), наставнику принца Конде, Гроций просит его рассказать о представлении «Адама», предпринятом для того, кому трагедия была посвящена: «...Ты, как я узнал, что-то находишь в моих стихотворных безделках. Зная остроту твоего суждения, я полагаю, что это могло произойти только, с твоего позволения, из-за глаукомы, наведенной на твои линкеевы очи расположением ко мне. Поверю ли? Но разве любящие не обманывают себя призраками? Однако о трагедии – ах, если бы я знал твое мнение! Ведь поистине, я либо был бы благодетельствован строгим по праву дружбы суждением, либо услышал бы знаменитое «Ты от десницы умрешь Энея великого». А теперь я на все надеюсь, но и боюсь всего... Так не заставляй меня дольше метаться в нерешительности между надеждой и страхом. Насколько я знаю твой ум и вежество нрава, а также твою литературную славу, тебя не затруднит описать мне в нескольких словах следующее: очень или в меру не понравилась тебе эта наша трагедия, это священное действие; с каким лицом смотрел

¹⁷ Перевод по изданию: De dichtwerken...

на сцену принц, хорошо ли прошел спектакль, был ли он одобрен зрителями, и прочее, с постановкой связанное. Ежели ты удостоишь меня письмом, лучше всего переслать его с теми, кто будет сопровождать г. Бузанвиля, которого, насколько мне известно, к нам вновь отправляют с посольством»¹⁸.

Мы не знаем, как прошел спектакль. Не знаем мы также и того, почему Гроций не включал «Адама» в собрание своих поэтических произведений, куда входили «Христос-страстотерпец» и «Софопанеас». История рецепции «Адама», – как и двух других трагедий Гроция, – нуждается в исследовании и заслуживает его: даже при первом взгляде на драматургию Гроция и после знакомства с первой его трагедией становится совершенно ясно, что творчество Гроция-драматурга – важный эпизод в истории европейской литературы и театра.

ГУГО ГРОЦИЙ

АДАМ ИЗГНАННЫЙ

ТРАГЕДИЯ

ОНОЙ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сатана

Хор

Ангел

Адам

Ева

Глас Божий

СОДЕРЖАНИЕ

По сотворении мира и падении ангелов в Раю был создан человек, ему же дана власть над всем дольным миром, но заказано рвать плод древа, каковое есть символ знания добра и зла. Сатана, дабы вышло вопреки предписанному, приступает к первому человеку с притворною дружбою, а после, в образе змия, к женщине; и та, сохранившись, толкает мужа к сообщничеству во грехе. Оттого оба из Сада были изгнаны. Спасение обретено в надежде и уповании на грядущего Мессию. Действие происходит в Эдеме, области Вавилонии, где был Сад на берегу Евфрата. Сатана *προλογίζει*¹.

АКТ ПЕРВЫЙ

Ямбические триметры

Сатана

Громовержца² злого враг, небесной родины
изгнанник, ныне мрак глубокий Тартара
и вечной Ночи черный я покинул свод.

⁵ Из мест проклятых злость пред благом вывела
и мстительная кознь ума преступного.
Неправды страшной, мрачной, ужасающей,
злодейства жажду, коего я, Сатана, дрожу.
В такой надежде все края земли пройду,

---

¹⁸ Перевод по изданию: H. Grotii Epistolae...

10 в такой надежде в зыбких берегах моря
промчу, подобный льву с оскалом яростным,
что, страх внушая, по местам нехоженным
спешит клыками жадными быка задрать.
В такой надежде я – чего как зла бегу –
15 увижу небо... Верно ль, не ошибся ли,
Земля ужели под моей стопой дрожит? –
Что ж, превосходно. Так свершись нечестие
на ужас миру. Между тем и цель близка:
Эдем я вижу; рядом – Авранитиды
20 прекрасной доли³, лижет Вавилонские
луга Нармалка⁴, что из недр полей бежит
близ Сузианы, изобильных бделлием,
где под землю в глубине несякнущей
металл рождается желтый, сардоникс сокрыт
25 обильный в копях; в стороне другой течет
прильнувший к нивам, влаги ждущим, Нарсарес⁵,
огню нечуждый солнца, омывает он
берега сухие; а отсель поблизости –
к восходу Феба – быстрых вод излучины
30 минуют в беге Кавхи Ассирийские
струей нещедрой, после ж, с тигрской влагою
слиясь представшей, мчатся в сердце Персии.
Струится справа ток Евфрата срединного,
своей смягчая влагой почвы тучные
и причащая щедро топь Халдейскую
35 волны бегущей. В части света, видящей
над Океаном выезд Солнца нового,
широко Сад священный усладительной
красы простерся, льется в лоно коего
Евфрат обильный четырьмя потоками.
40 Густые рощи отвечают нежного
Зефира звонам, лес играет, шепчется,
трепещет нежно; вечно ликом ведренным
сияет Солнца свет, и гладит ласково
несильный ветер, сладко подольщается
45 день с безмятежным ликом; здесь ни облачка
не нависает; с неба, в гневе черного,
дожди не льются; сей рубеж блаженнейший
не устрашает молния трехжальная
и рыкающий гром; тепло обильное
50 смягчает холод, а Весна всегдашняя
сражает злую зиму; от Медведицы
Борей не свищет стылый, гладь эфирную
не возмущает Австр. И все желанное
слилось в единой области и милое,
55 а зло – в иные места законом изгнано.
Плоды деревьев всех – на вкус отменные,
и всех долина та услад сподобилась,
в ней – все красоты; их блюсти доверил Бог

Адаму, щедро счастьем наделив его.
60 Когда уже Он вывел небоздание,
светил блестящих полное, и щедрую
плодами землю, и влекомый алою
повозкой в небе день шестой означился, –
его – в подлунном мире величайшего –
65 ЧЕЛОВЕКА создал, глину безымянную
соделал складным телом и вложил, отец,
в него дыханье, дав ему не только жизнь,
не только чувства, – но и славой образа
своего отметив мощно человека дух,
70 внушив понятие, кто он и от чьей руки
досель не бывший ныне бытие обрел.
Всех птиц небесных, всех земли насельников –
зверей, а также рыб, в воде живущих, Бог
его управе отдал, всей земли простор –
75 его угоды, – господин не знает сам
пространств, владеет коими; все, что Луна –
чей свет заемный чередой изменчивой
нисходит долу – обнимает в странствиях, –
один свирепой властью тиран теснит.
80 А чтоб наследник в чередо потомственной
воспринял царство – Бог жену Адаму дал.
Из кости мужа созданную женщину
с немым восторгом мир узрел; Титан молодой
не помнил твари из позднее созданных
85 ее чудесней. Ныне и жена и муж
в Саду цветущем наги: стыд – отсутствует
у не познавших зла; честна, бесхитростна,
проста их добродетель: благодарными
90 устами Бога славят: непорочные,
они не знаю похоти и дерзостно
смерть презирают; боль и скорбь Летейская,
и страх, который всех скорбей ужаснее, –
их убегает, Доля их насколько с моей
несхожа долей! Небесам совечные,
95 влекущим звезды, мы не из бушующих
огня потоков, или влажных легкого
тепла дыханий, иль воды, иль косного
земли возникли кома, но без всякого
сцепленья тел, и – Богу величайшему
100 равны – рабами кары не живя живем.
И смерть, которой страх людской не ведает,
венец молений для меня; но – мука злых! –
нельзя погибнуть. Там, где опускается
земли средина, тяжести влекущая,
105 и зрит два равноудаленных полюса, –
там дом зияет Тартара безвидного,
лучей лишенный Солнца; отверзаются
там тьмы провалы, мрачным кругом ширится

110 печали пропасть: мглой густой заполненный
свод, необъятен, здесь тоска пустот молчит,
разъят широкий зев пространства полого.
А в самой глуби – племя сатанинское
в пещерах тайных злом, что гнев Громовника
неистового смог создать, терзаемо.
115 Живет злодейство в недрах мысли помнящей,
язвит крутые души, и бесплодный стыд
не дет покоя сердцу сознающему.
Здесь скорбь и трепет царствует, и страх прямой,
и гнев господский давит; но страдания
120 сменяет ярость: грешник, казнью мучимый,
горит, как ворог лютый, то считая злом,
что другим не может зло чинить сносимое,
не бедой болея, а тем, что он лишь один в беде.
Но казнь союзник скрасит: благоденствуя
125 в полях Эдемских, пусть Адам уверует,
что уготован мой ему надзвездный трон,
и пусть беспечно счастлива жена его, –
но гнев настигнет их, и скорбь живучая
не сложит злобы: напрочь мир отвергшая,
130 завяжет вечный бой душа упорная,
внесет жестокий ум раздор решительный,
зло прививая... Что за зло? – Благое лишь
хранит, эфирный свод родит приветная
земля, и все, что в море есть и воздухе, –
135 все благодатно, все – его. Войну со мной
он презирает, враг – ничто, а злость моя
ему забавна. С верой в Бог он уже
стремится в небо торною дорогою.
вот, вот что страшно: как бы господин земли
140 не занял царство горнее. Стыдись, что ты
покинул небо немощным изгнанником,
коль ты оставил царство для других царей
и, свергнут, место роду дал человечьему.
Нет, правь, о ярость, правь к великой дерзости:
145 из Тартара бездны выйдя, да поможет мне
все, что в глубинах мрака создается.
О, Хаос вечной ночи и Верна пасть,
небес супостаты, в деле злом союзники, –
обрушьте на врага единым натиском
150 всю вашу силу! Мчитесь, Злодейство чуждое,
и ты, пустая Гордость, чьим приказам я,
увы, изведал лихо подчинения.
Явись Богомятежное нечестие,
груз Заблуждений, новое Тщеславие,
155 что новой чести ждет, приди, бесчинное
чревоугодь, вера глупым выдумкам
и легкомыслие в том, что неизведано.
Их, их на помощь призови, о боль моя.

Любая язва, отпрыск Тартара темного,
160 ты, что с улыбкой змей ласкаешь мерзостных,
прошу: расплаты за изгнание требуйте,
разбив Авернский плен и двери медные
пещеры черной, на поля просторные
165 земли ступайте, дух Адама бедами
сразите, – длани всех пусть преступленья шлюют.
Где Сад Евфрата влага лижет, сладкая,
разметав повсюду ветви, посреди стоит,
листвой тенистой свет вбирая, дерево.
170 Плоды свисают, благодатной тяжестью
сгибая ветви; цвет – румянец с золотом –
глаза ласкает; можно ждать наверное,
что вкус их сладок, – Богом же заказано
плодов касаться; рвать их никому нельзя:
175 под страхом наказанья, подкрепленного
угрозой, не дал, лютый, знать добро и зло.
Днесь в рабстве человек у добродетелей,
вины не знает вовсе, но поскольку он –
на перепутье, – волен сам направить путь.
180 Куда подует ветер, туда свободная
помчится воля, тот, кто смог хотеть, уже
наполовину грешник. Я надеждою
питаю злобу: лишь собьется с правильной
стеzi и шатким шагом тропкой узкою
185 едва пойдет он, – и душе, и телу смерть
грозит двойная; древа плод запретного
вкусит едва лишь, – вдруг в погибель ввергнется,
товарищ в муках общих, новый в Тартаре
насельник будет, коль свершит преступное.
190 Мой гнев, к оружию: если муж податливей –
он соблазнится; если ж неподатлив он –
то соблазнится женщина: на пользу мне,
что не один он. Легок нрав у женщины,
чуть что – ослушлив; не держась за прежнее,
сам все меняет, больше склонен вольничать,
195 всегда в надежде гордой алчет большего,
изысканное любит, ради нового
хулит былое, старым раздражается.
Блаженной доли скука, переменчивость,
тщеславность, сладость явственная яблока,
200 алчба вкушенья – мне сулят желанное,
всего ж вернее, – зла орудье, женщина.
Но станет ли слушать недруга известного,
склонится ль слухом, ворога не слышавшим?.. –
205 Подступим же с миром: скроем гнев, отсроченный
смиреньем мнимым! – Враг ли тот, кто въявь вредит?
Кто не таится, тот ли прячет ненависть?
Любовь изъявим, – тот, кто алчет, лгать себе
готов. Надежда низкая – сговорчива.

210 Скажу, что станут равны Богу высшему,
и сами станут – боги. Чем приманишь их,
коль не приманкой высшей доли? Только в то,
к чему стремятся, верят. Если ж воля их
тверда во благе, если враг откажется
меня послушать, – в новом виде явимся:
215 ни глаз породы не узнает демонской
ни длань – наощупь: ничего знакомого
не встретят чувства. Форма без материи
и вид простейший, тел любых обличие
приняв, себя являют ощущению,
220 и мы их видим. Посвященный в мысль мою,
слугой мне будет гад: созданью хитрому^б
пристало ковам духа лжи прислуживать.
По гладкой почве промелькнув, я змием в Сад
проникну тайно, речи донесет язык
225 трехжальный, ядом сдобрю слово каждое, –
дракон, дыханье чье всего погибельней,
всю суть изложит. Два пути испробую
и ложь двойную: трону мужа дружбою,
к жене явлюся змием и во грех введу,
230 уста направив яствам, длань – к добыче их.
Так что ж я медлю? – В этот день блистающий
иль с человек я сравнюсь, иль он со мной.

Хор

Анапестические диметры и монометры

Кто с высоких круч мирозданья вниз
взглядом дерзких глаз взирает на тех,
235 чей удел убог, – не пришлось бы тому
давящее зреть крушенье своей
мощи: с высот всегда тяжелей
падение, а кто легковесней, для тех
и паденье легко. Большой груз лежит
240 на блаженных, и чем ты больше велик,
тем твой больше страх.
Кто лишь миг назад на Олимпе жил,
насеял золотой чертог в небесах, –
245 тот днесь – заключен и в унылой тьме
под землей сокрыт, нестерпимую боль
наказанья терпя; и кто уступал
только Богу досель, но не захотел
меньшим быть одного, – тот отныне все
над собою зрит.
250 Как стремительно был ниспровергнут тот,
кто прежде блистал в благодатных лучах
и кто, воссияв, эфирную высь
от рождения знал. В восточной небес
стороне таков Денницы свет:
255 он Солнца приход возвещает своим
сияньем, и он – лишь имя сменив –

появляется вновь предводителем тьмы
и ночи мрак знаменует собой,
как Геспер всходя.

260 Почто, устремясь к погибели, ты
не хочешь служить мирозданья творцу,
и хотя из того, что возможно, тебе
дал он более всех, – ищешь большего ты?
Ты хочешь быть тем, кто один лишь таков,

265 кто создал тебя; бьешься против того,
кто не знает преград.
Та, что выше всех из небесных сфер,
что объяла все, на которой сонм
блаженных живет и тысяч хоров

270 благодарственный глас славит Божью власть;
та сфера, чью твердь не смеют вращать
ни извечный закон обновления дня,
ни тот, что Луны меняет лицо,
ежемесячный чин, ни тот, что следит,

275 чтобы год проходил одну за другой
четыре поры, – ибо вечный покой
надежно хранит недвижность ее, –
эта сфера тогда с места чуть не сошла,
когда Сатана-перебежчик сотряс

280 эфирный предел и войну учинил.
Узрела она восставшую рать,
и весь задрожал пред нечестьем эфир,
и объяла дрожь Полюс тот и другой,
и ось, нетверда, не могла устоять.

285 Природы лик перевернут был:⁷
Киносуру страх перед солью терзал,
Аквилона порыв на Жертвенник пал,
и на Гелику Нот.

И сам Козерог было начал уже

290 увеличивать день, а Рак – сокращать
пределы ночей, и Солнце – во тьму
посылать лучи, поменявшись своим
владеньем с сестрой. Но, Божий указ
восприняв, тогда бесстрашный борьбу

295 воздвиг Михаил;⁸ и он усмирил
мятежников рать, и крепкими их
цепями сковав, из горних велел
изыдти областей и в Тартара тьму
к подземным теням их круто низверг.

300 Оружьем его сраженный, лежит
неистовый полк, чьей муки пример
внушает благих держаться путей.
Довольно сего! Пусть будет их зло
последней виной, и последней – их казнь.

305 И пусть ЧЕЛОВЕК, – он, кого влечет
к себе и порок, и в чистой душе

живущая честь, – пусть он устремит
свой неверный шаг по прямой стезе,
чтобы племя людей, порожденное им,
310 в просторе небес, по изгнанию пустых,
водвориться смогло.

АКТ ВТОРОЙ
Адам, Ангел
Ямбические триметры

Встает из мрака день законом вечного
круговорота: чин времен назначенный
315 приносит землям солнца шар блистающий.
Уходят звезды – большой светоч близится,
сестра от Феба, ночь от света прячется.
О, сколь велик Он, чьей рукою мощною
кружится неба ось, и вихрь стремительный
320 Олимп вращает, полюсами сдержанный,
и полый мира груз вперед и вспять влечет
все тем же кругом. Звезды, их создателя
закону внемля, года сменой ведают;
Титан с блестящей гривой шлет сияние,
325 Луна, созвездий хоры выводящая,
ночные тени рушит. Хола эфирного
сей глас священный славит руку мастера,
и все светила в быстрой пляске носятся
в лад с небосводом. Нам служить создателю
330 всего – внушает мир, недозволяющий
к земле лепиться: манит в горные области,
и мысль приводит к первопричине собственной.

Ангел

О ты, блаженный, блещет в чьем предсердии
преславный образ Бога величайшего,
кому – а это благо наивысшее –
335 дан ум и радость Богопочитания.
Адам, помысли, как ты возвышаешься
над всею тварью! Посмотри, вот глыбы скал:
творцом великим, как и ты, содеяны,
рукою той же, – между тем, природа их
340 чужда движенью. Вот деревья, взгляни на них:
в листе зеленой, всякое свой плод несет,
растут с годами и нескоро в старческий
вступают возраст, – но зато ни радостей
знать не дано им, ни терзаться болями.
345 А рыбы, звери и племя высоколетних птиц
цвета различают, слышат звуки голоса,
вдыхают запахи, пищи вкус испытывают,
и осязанье также служит службу им;
бежать умеют зла, в пользе следовать,
350 влечет их чувство – разум же отсутствует,

и не дано им мыслей, речью явленных,
ни внять, ни молвить; нет у них ни совести,
ни веры в Бога: жизни миг – вот благо их.
355 А тебе сверх этого – душу, смерти чуждую
и зла, внедрил Он госпожой над чувствами.
Свидетель славы Божьей, подчиняйся же
Его священной воле, – вот закон Его:
все для тебя Он создал, но тебя – Себе.

Адам

Бог есть, конечно, тот, чьей воле суша, понт
и оба Фебовы дома подчиняются.
360 Пред Ним простерто все, и, безначальный, Он
конца не знает, Сам началом будучи
и концом для мира. Все века грядущие
Он зрит. Он создал все и все создания
365 оберегает разумом радеющим.
Не связан телом, не стеснен пространственно,
живет повсюду и границ не ведает.
Источник правды, блага Ключ и Мудрость в Нем,
царица мира, ибо может все она.
370 Мчит небо кругом, Землю же опорами
крепит своими Он, и Он тяжелое
свергает, кверху направляет легкое,
движенья – первый двигатель – не ведая.⁹
375 Единый вечно, все же существует Он
как триединый: ибо Он – отец всего,
тот, чьей могучей дланью все свершается;
Он Сын, от века явленный Отцом самим
как божий разум, Ум Отца, Закон всего
и Слово, чьею силой непостижной
380 быть стало прежде бывшее ничтожеством;
Любовь Святого Духа и Согласие
их сочетает: Три же суть Единый Бог.

Ангел

Сколь многое в малой, в скромной сколь великое
385 раскрыл ты речи, и насколько явственно
ум в сердце вылепил Бога величайшего,
кого отчасти мы знаем, – совершенно же
лишь божье знанье: себя вмещающая и жаждая,
вполне Он благо вкушает, в прочих – ущербное.
Сам Бог есть Ум, что полнит мироздание
390 и стоит над миром: беспечален во времени,
Он не прейдет веки; видит истину
до ее явления, волит и чинит добро.
С ним несравнимы, но к нему ближайšie,
мы – божьей волей – слуги-небожители
395 и ваши души: в вас ничто не связано
с каким-то местом, нас и разделить нельзя.
Но что ил там мы, или здесь, – то правильно:
мы не повсюду сразу; так же в вас душа

400 в отдельных членах тела вся присутствует,
но вся в пределах тела, а не вне его.
В деяньях наших временем не скованы,
мы все ж не вечно действуем тождественно,
как Бог, но то начинаем, то прерываемся.
Им созданы мы смерти неподвластными.
405 Не знаем правды всей и нераздробленной,
и будущего. Воля наша держится
всего благого, – благо ж от Ума Его.
Адам, дано нам счастье величайшее
410 то волить лишь, что волит и свершает Бог,
внимать приказам, почитать правителя,
хвалить законы и любить создателя,
того вмеща, для кого открыто все.
Отца стремишься знать? – Учись у созданных
вещей: что есть, есть Бога отражение.

Адам

415 Едва представляю, что зверей, и рыб, и птиц,
самого меня, земли и небоздания,
Луны и Солнца – не было, причем еще
совсем недавно, – сам не свой, подавленный
дивлюся Богу, мира созидателю.
420 Так коли можешь – ибо то, что создано
до моего создання, знаешь лучше ты –
прошу, поведай, как и чередом каким
сей строй великий всем, что в нем, исполнился.

Ангел

425 Два тела создал Бог еще до времени,
когда лишь Он был, кроме же Него – ничто.
Громады, прежде созданной, простой была
материя: части – все друг другу равные,
вид совершенен, – будто шар доподлинный,
430 кругла и острых не имела выступов, –
конец с началом в ней да не расходятся.
Ее природа, равномерно двигаясь,
была бессмертна, не боялась гибели,
без измененья места обращалась,
435 в круженье вечном сферы за собой влекла,
размерив время: здание небесное
висело, осью сдержано, – размеры чьи
определяют с двух сторон два полюса.
В глубинных недрах той громады прятался
440 лишенный света Хаос неоформленный.
его и всем ты можешь, и ничем назвать.
Тогда, сгущаясь, вниз упасть тяжелое
и вверх подняться не стремилось легкое;
сухое с влажным, и с холодным теплое,
445 большое с малым, с твердым вместе мягкое,
смеясь, таилось: все, что есть, из глыбы сей
могло создаться и облечься формами.

Адам

Коснела долго мертвая материя,
иль вдруг предметов вспыхнул облик девственный?

Ангел

Час не единый всякому отдельную
450 назначил форму: ибо с бегом времени
все, разделившись, место обрело свое.
Та часть, что стопы топчут, – срединная,
в соседстве с осью, – сдавленную тяжестью
455 вместила землю: в волны погруженная
земля сначала морем покрывалась,
а море – мраком. Вдруг рукою божией
был создан воздух: вольный, он порывами
напал на воды, – но огонь, блестящего
460 слугитель света, все еще отсутствовал,
и тень скрывала тьмою мироздание.
Тогда из емкой глыбы Бог изойти велел
огню – светоносцу и, велению следуя,
сухой, пылающий, легкий изошел огонь.
465 Еще четыре мест своих не заняли
первоначала: суши в море не было,
над сушей – воздуха в виде шара полого.
Еще природа близ Луны тогда огня
не поместила: в воздух вдруг он вырвался,
470 оставив хаос, но на сферу высшую
не возведенный, в грубый ком составлен был;
как бы невольно к части прилепился он
восточной неба, и – круговращением
его подхвачен, стал подвижным светочем.
475 А вспять влекомый мчащейся окружностью,
одной потемки прежние на дважды шесть
часов вернул он части, а ясный свет – другой.
Так – умеряясь вечной ночи сменой –
твореньем первым первого дня был создан день.

Адам

Нельзя ль узнать мне, как была расположена
480 Та четверня,¹⁰ родящая все, которая,
сплетясь взаимно, днесь – всецело слажена
и, все заполнив, пустоте бежать велит?

Ангел

Когда был явлен свет, Бог повелел тогда
485 летучим вихрям полнить части полые,
а емкому воздуху все занять порожнее
и, став в середине, отделять от нижних вод
небесную влагу; верный предписанию,
тот вверх распространился и увлек с собой
490 летучую жидкость: пар поднялся до неба,
где ныне тучи нависают грузные
и, мчась, рождают дождь из чрева тяжкого.

Но воздух не в одном лишь месте: три ему
даны отдельных области: жжет высшую
с огнем соседство близкое пылающим, –
495 там та, что ликом, беды возвещающим,
твоим потомкам да не шлет несчастья,
блестит Комета; то же место жар сухой
и путь падучих звезд хранит, прочерченный
в высоком небе. А в срединной области –
500 там хлад и влага, и, блуждая, разные
пары витают, – ливни здесь рождаются
и дыханья ветра быстрые, коль влагу зной
свергает или хлад срединной области
наверх порывам жарким закрывает путь.
505 Там – рокот грома и сверканье молнии
в великом возникают несогласии.
Там дождь унылый, зимней стужей скованный,
затвердевает, снегом или градом став.
А низший, более плотный, воздух, жар набрав
510 отброшенного пламени, на землю шлет
туман тяжелый и росу чистейшую.
Так воздуха преграду, разделившую
два разных вида влаги, день второй узрел.
И в тот же самый день веленьем Божиим
515 в моря и реки воды собираются:
вода по руслам и меж побережьями
шла вдоль просторов, ею увлажняемых, –
тогда пред небом обнажила грудь Земля,
и на другой же день растенья вывела.
520 Покрыла поросль пашни плодородные,
трава, что соком налилась целительным,
взросла впервые, и, веленьем Божиим,
семена извергла. И деревья с этих пор
впивают соки Матери-Земли, пронзив
525 ее корнями, воздуха живительным
дыханьем дышат, а растут они – от струй,
приятых в недра, в самом же верху несут
огня живого жар, хранящий целое;
530 а чтобы растенье род не погубило свой,
оно перед смертью себе рождает подобное.

Адам

Мы верно ль полагаем, что в четвертый день
Бог создал звезды, лунный свет и солнечный?

Ангел

Когда эфирный свод уже четырежды
настиг то место, где вращенье начал он,
535 окружность мира к тверди неба огненной
шар прикрепила; место, что оставили
пустым Эфир и Воздух, – для кругов своих
огонь срединный занял; после этого
Бог создал звезды: а не хаос низменный

540 в состав их входит, – лучшая, тончайшая
материя рождает звезды: та же их
природа, что у Неба, в кое вколоты,
они бегущим светом ночь приветствуют
и день, и делят между ним и тьмой часы,
545 пары вздымают силой жара горнего,
вещают ведро, ливень и ненастие,
определяют года дни и месяцы.
Сияют с тверди две звезды, которые
всех прочих больше: Феб огня кипучего
550 тепло на землю шлет, как будто зеркало,
и, дня правитель, силой блеска прочие
светила гасит, в небесах померкшие;
Луна же, ночи госпожа, похитивши
сиянье брата, чуждым светом светится:
555 копь, стоя против Солнца, предстоящие
лучи впивает Феба благодатная
тогда низводит в мир себя, чтоб тьму крушил
блеск безущербный; если же в объятиях
сестра у Солнца – ночь молчит безлунная.
560 И чем Титана свет сияет ближе к ней,
тем у светила тоньше серп двурогого.
Сей день четвертый кроме этих двух светил
на разны сферах звезд увидел множество.
Светилоносных восемь есть окружностей,
565 из них звездами блещет высочайшая,
на прочих сферах – по одной планете лишь.
На высшем круге полосой широкою
двенадцать знаков, проходя которые,
то дня, то ночи царством Солнце движется, –
570 то милостивой дланью продлевая свет,
то тень простерши. Оба Семизвездия
вмещает этот дом, Гиад дождливых – тот,
а также вестниц осени и весны – Плеяд.
Оттуда бурей мощный Орион грозит
575 и Пес пылает, в зное задохнувшийся.
Семь сфер, несущих по звезде блуждающей,
идут вслед Солнцу, – два у них движения.
Хотя стремленье Неба наибольшего
влечет насильно их в дневном вращении, –
580 сдержав невольный бег, они насупротив
влекутся сами: сила свода верхнего
с Востока увлекает днем стремительно,
а ход неторопливый возвращает их
с Заката к дому Солнца Восходящего.
585 Бег звезд различен: по шести четырежды
часов с собою небо сферы нижние
вращает: первым стынет на звезде своей
Сатурн тяжелый, он за трижды десять лет
неспешно совершает путь свой по небу;

590 за ним – Юпитер (путь его – двенадцать лет)
и Марс соседний (путь его – двухлетие).
За ними – Солнце: свой измерит круг оно
всего лишь за год; следом Солнца спутница
595 звезда Венеры, и Меркурий маленький
бегут в пространстве меньшем. Ниже названных
проходит в месяц Фебова сестра свой путь.
Когда увидел Бог все, что Им создано, –
признав, одобрил.

Адам

День какой зверей и рыб,
птиц и скота, и гадов зрил создание?

Ангел

600 Когда назавтра Феб свой свет опять зажег,
велел всемогущий, чтоб в стекле озер, и рек,
и вод морских, с луною прибывающих,
поплыли рыбы; и крылами быстрыми
свой путь торили в воздухе пернатые.
605 И создал чудищ моря изобильного –
китов огромных и чешуеносный род,
и род летучий: в каждом роде – множество
различий, видов, созданных Природою
безмерно щедрой: каждому душа дана;
610 она – живого тела форма властная, –
растит, питает, чувствует, живит, плодит.
И Бог, десницы мощной видя творчество,
слова такие молвил в одобрение:
615 «Питаясь всякий пропитаньем собственным¹¹, –
растите сами; множьте вашу численность,
плодя потомство: в семени сокрытые
высвобождайте души, – сочетаяся,
его вмещайте в чрева плодородные,
620 храните, чтобы плод родился вовремя, –
с земли чтоб было видно птиц бесчисленных,
чтоб рыбы толщу вод просторных полнили».
День следующий (он шестым ля мира был,
для Феба – третьим, для тебя и всех иных
животных – первым) повелел Создатель-Бог,
625 чтоб сотни гадов шли путями полыми,
чтоб сотни ядов робким, коль позволит Бог,
грозили тщетно; и велел, что в девственных
лесах блуждали звери, и скоты паслись
в лугах зеленых: все, главу клонящие
630 к полям родимым, в небо непривычные
вперяться взором и – навеки связаны
с землею – видеть храмины небесные.
Адам, вот сколько есть с тобой несхожего;
когда же создал Бог тебя и дал тебе
635 свое подобье – знак удела высшего, –
то в день седьмой – священный – опочил от дел,

признав, что выше ничего не создал Он.
Но вот, я вижу, идет к тебе жена твоя,
я – удаляюсь, долгом призываемый.

Ева. Адам

Ямбические триметры

640 Супруг, со мной союзом вечным связанный
по воле Божьей, – без тебя и долг прямой
надолго оставаться запрещает мне,
и жгущий сердце жар святой любви моей.

Адам

645 О ложа сонасельница, чьи кости Бог
из моей составил кости, чью из мужниной
слепил Он плоти плоть, дабы рожденное
к своим истокам снова возвратилось!
Как дивно понял Бог, все постигающий,
что невозможно полно наслаждаться мне
650 без друга жизни: души слаще трогает
услада, если поровну делить ее
с любезным другом. Радость приобщать других
к своим богаткам, многим уделять свое, –
в природе блага: нет ведь без товарища
655 блаженства, – скорбно счастье одинокого.
Когда десницей щедрою создателя
зверей породы все мне были отданы,
своею коим волей я имена нарек,
то оказалось: для меня подруги нет
660 другого пола. Божьей дланью посланный,
тогда глубокий сон объял все члены мне,
и – скованному дремой – морок тягостный
затмил все чувства; из глубин груди моей
ушло дыханье, дав отдохновение
665 работе мысли. И покуда мной покой
владел глубокий, из спины, внизу ее,
где охватили чресла с двух сторон хребет, –
из этой части тела Бог ребро извлек,
заполнив плотью пустоту зиявшую.
670 Восстановились члены, и владевший мной
меня оставил сон, а из моих, жена,
составлен членов, лик твой предо мной предстал.
Тебя увидев, обмер и недвижим был, –
но пробудилось пламя небывалое
675 и огонь любовный. Всемогущий Бог тогда
скрепил речами наш союз священными:
«Сойдясь, умножьте, – молвил, – человеческий род, –
мое подобье; всей земли пространствами
пусть правит поросль ваша: и на суше пусть
680 зверей, и в небе – птиц, и рыб – в волнах морских
сносить научит власть людского племени».

Ева

Муж для супруги – счастья часть великая,

быть может, даже – все; что ныне мило мне,
то – гибель без тебя.

Адам

А чтобы пыл не гас
685 любви взаимной, чтобы благо общее
век услаждало, – тешат нас Эдемские
утехи – славный Бога дар прещедрого.
Всех благ источник в Боге видя, мы Его
всех прежде любим; те, что заповедал нам,
690 блюдем законы: древа плод запретного
мы не вкушаем, наслаждаясь прочими.
Но что за дивный голос слух мой радует? –
То хор эфирный Высшему Правителю
хвалы возносит святые, – я подпою ему.

Хор

из разных лирических размеров

695 О, творец всего, благодарный славит
ум тебя небывалым гимном¹²,
свидетелем могущества
выставив мирозданье.
Твое величье ясное
700 одето славой; хвалы нарядом
красуясь, светом святым сияет.
Божья десница, воздух набросив
шлемом просторным, светлого чистым
пламени кровом землю укрыла.
705 Облака дожденосные
Ты ввергаешь в узилища, и, возница мощный,
уздой быстрой с бурей справляешься,
легким ветром несомый.
Твоих посланцев службу исполняя,
710 верхи деревьев поражают Кавры¹³;
и Восток и Запад взирают
на мощь живого пламени рабскую.
И, тебе служа, мы – столь же, сколь ветры
и огни, скоро – исполнять мчимся
715 все, что ты прикажешь нам.
И, неподвижна, трепещет земля пред Тобой, допуская,
чтоб носились вокруг своды эфирные,
не желает сама кружным путем нестись.
Первый видел ее день погруженною
720 в воду, ибо тогда скрыли потоки все.
Брегом был небосвод, мраком покрытые
гор хребты Океан прятал высокие
под пучиной бесчинною.
Боже, но лишь приказал Ты высокогремящею речью,
725 чтоб отступила волна, как тотчас волна отступила;
и, повинуюсь Господу, влага

ушла в глубины: Земли поверхность
открыли воды. Они, стремительной
хлынув лавой с самого верху,
730 меж холмами в низменных долах
осели, после ж в отведенных
держались складках.
Был Тобою простор заключен в надлежащих границах,
чтобы вновь он не скрыл высокими водами землю,
735 чтобы суши чело из вод показалось опавших.
Ты приказал рожденным
в скалах ручьям пробиться:
их, утоляя жажду,
740 пьют звери и онагры;
близ них садятся птицы
и сладостно щебечут
под сению дерев.
Влагу в виде дождя над вершинами ты проливаешь
и, различая вдали с высоты небосвода долины,
745 землю ливней, из туч исторгнутых, Ты причащаешь
там, где приносит плоды, напившись, родящее чрево.
В землях тех, где скот и стада пасутся,
хороши луга: наливаясь соком,
там растут трава, и отменным кормом
750 на полях хлеба вызревают тучных.
И земля дарит плотный плод маслины
и – чтоб сердца мощь ликовала вволю –
лозы хмельные.
И уделил ты от влаги своей возвышенным кручам,
755 где возрастают до звезд ветвями могучими кедры,
в коих живут воробьи и аисты клювом стучащим.
Часто близ самых вершин на елях висящие гнезда
в воздух просторный птенцов высылают на трепетных перьях.
760 Гор вершины высокие
сделал Ты обиталищем
племени козлиному.
Повелел Ты, – и кролики,
Повелел Ты, – и быстрые
765 зайцы в норы скалы крутой
тут же устремилися.
Дланью твоей создана, Луна на месяцы делит
годы и, полня ущерб своего подвижного лика,
то половинным серпом, то полным кругом блистает.
Только закатится блеск Титана в урочное время
770 и возвратит просторы земли исконному мраку, –
тут уж пора из пещер выходить звериному роду.
Желтых львиц тогда отпрыски хищные
жертвы ждут в прокорм, жалобно рыкая:
и питья, и яств просят, голодные,
775 чтобы дал им Бог; если ж сияющий
в небе день блеснул, – леса насельники,

звери, все спешат, да не увидят их,
к логовищам возвратиться в чашу.
780 Сам человек, коль дела его ждут, да не бродит бесцельно,
бодрствует, ум устремив на дневные заботы, от коих
освобождает, придя безмятежным светочем, Вesper,
сон принося и отдых ему. О Владычица мира,
785 Мудрость великая, ты, сотворив просторы земные,
правишь и небо, и дол; и твои повеленья – конечно,
немногословно, но все ж – Земля великая славит.
Прославляет тебя судоходное
море, тварей больших и маленьких
и бесчисленных рыб кормящее;
790 здесь глазами блестит огромный Кит:
то скрывая в волнах чешую спины,
то игриво хребтом разрезая гладь, –
силу творца являет собой.
Ибо все, что есть в мире Твоем, –
795 все от милостивой длани Господа:
от решений Твоих жизнь зависит живущих,
а коли ты отдашь их смерти хищной, –
простятся с жизнью.
Всяк в положенный срок зверь насыщается,
ибо длань твоя уделяет пищу:
800 Если обильною грудой благо
тварям дарит она, – всяк бывает сытым,
травояд и хищник; но едва лишь лик свой
Ты от них отвернешь, или же грозным глянешь
взором, – сразу жизнь уходит,
805 растворяясь в бесплодном ветре
и расставаясь с телом бранным,
а оно прекращает
чередой вздыматься вдохов и выдохов
и прахом тонким становится вскоре.
810 Но снова Воли Твоей живящим
порывом рождают полные чрева
потомство, и оно
не дает истребиться роду, –
вместо погибших
815 вновь несет Земля молодую поросль.
И покуда – Зари обновитель –
годы все новые Солнце выводит,
покуда, сверкая темною ночью,
объемлют звезды окружность мира, –
820 будет мир греметь Божеству хвалами.
Итак, уверимся:
Божье никогда не прейдет величье;
Бог охвачен Сам радостью зрелища
столь великих дел, кои закончил Он
825 к дню седьмому, творец могучий.
От Его кивка Земля трепещет,

от Его касанья горы,
черным туманом
небеса застлав, испускают плотный
830 из вершины пар, выдыхая тучи.
И покуда свод в беге свободном
будет влечь семь звезд, мы неустанно
Отца вселенной будем славить имя,
ладом бегущим веда семиголосую песнь.
835 Будем песне святой вечно
предаваться и Бога
в превеликой радости
выше небес прославим.
840 Он и от бед грядущих
спасет великодушно,
и собранье святых возглашать ему будет
«АЛЛИЛУЙЯ».

АКТ ТРЕТИЙ
Сатана. Адам
Ямбические триметры

Врага, что шагом гордым супротив меня
стремится, вижу, – значит приближается
злодейства время: наконец сюда ко мне
845 Адам подходит, и к тому ж – один идет.
Его оставил – к пользе нашей ярости –
небес блюститель ныне без союзника.
Сковав обмана сетью неразрывною,
его поймаю: я удары выверил;
850 А путь для козни хитрой пусть притворная
любовь изыщет. Ты спокойно зришь врага¹⁴,
сатана, и зубом хищным не разишь его? –
Узда слабеет, не справляясь с яростью.
855 Так оный стада самый сильный ужас – волк,
всегда, когда стремится он задрать быка, –
следов читает тихо знаки дальние,
и сдерживает, медля, торопливый шаг.
Но коль добыча прямо перед ним стоит, –
860 прыжком бросается мощным, и вздымает шерсть,
пасть скалит, и не терпит промедления.
Блеснет надежда – трудно ярость сдерживать.
Но нужно сдержаться: явных стрел удар слабей
разит защищенных, – что же, явим дружество.
865 Земного круга кормчий, властелин морей,
Адам, десницу стиснуть разреши твою.
Что взор блуждает строгий, что любезные
глаза отводишь, отвергая преданность?
Тебе я создан равным дланью Громовника,
870 и светлый зрил меня своим насельником
эфир когда-то. Богом – тем, кто так суров

ко мне, к тебе же – впрочем, не вечно – милостив, –
клянусь, что в счастье тысячу друзей я знал.

А ныне, доле подчинясь, оставила
меня их стая. Ты же снисходительно
875 над жалким сжался: вот рука просителя –
залог любви верный, – обещаю же мне
союз нетленный. Что ж главой качаешь ты?

Адам

Соперник Бога, вероломный, проклятый,
880 От чистой плоти отстрани нечистые
прикосновенья: друг мне тот, что Богу друг.
Ты, кто за страшный грех мученью вечному
был предан Богом, – прочь от глаз блаженного
и праведного!

Сатана

Но не век же следует
885 пылать враждебным гневом? Ярость, знаешь ли,
уму – погибель, сердцу – боль бессонная.
Ведь зависть, горе, страх, тоска, подавленность
и гнев – не могут утеснять счастливого.
Несчастных мучит оный сонм терзающий
и тех, кто злобен: всюду влечься к лучшему
890 блаженный должен, – брось же ярость злобную.

Адам

Скорей в небесных нивах злаки сжатые
в снопы увяжут; и Земля, вращаясь,
подымет звезды, и в огне моря сгорят,
895 и огонь прольется влагой; повернет Евфрат
к своим началам воды, вспять текущие¹⁵,
иль Тигр помчит к истокам струи быстрые, –
чем заключу я мир, любовь и дружество
с изгнанником неба. Как у волка с агнцами,
в союзе нашем будет то же равенство,
900 пока, влекома алою повозкою,
Заря восходит, Ночь – блистает звездами,
пока блажен я буду, и несчастен – ты.

Сатана

Кто смел – с могучим бьется; тот, кто жалкого
сразить способен, – духа полон низкого.
905 Зверей владыка, Лев не станет буйствовать
пред кротким агнцем, рыком утеснять быка;
но пред медведем вздыбит гриву грозную,
и пасть отверзнет, скаля зубы острые.
Коль веришь, будто я тебе опасен, – то
910 войну из страха отложи; коль нет, – тогда
войну ты все же отложи: считай, что я
не стою гнева, мир прими предложенный,
вассала, счастлив сам, приветь в несчастьи.

Адам

Считай, что гнева моего не стоишь ты,

915 любви – тем меньше.

Сатана

Да, но не ничтожны мы,
Адам, такого не держись ты мнения,
И можем другу мыслью, словом, силою
помочь. Конечно, Бог, насколько мог, меня
лишил владений. Но в душе – честь прежняя,
920 И сердце – зорко мудростью глубокою.
У нас осталось царство, силы есть свои,
и власть большая. Горд эфирный храминой
Бог-громовержец, царство наилучшее –
земля и море – отдано тебе, – но мне
925 послушны глубины: тем, что под стопой твоей,
владеем царством; правят мглистым Тартаром
отверженных жезлы Демонов. С моим твое
владенье рядом, – можем править вместе мы.

Адам

930 Что суша служит жезлу моему и Понт, –
дар Громовержца, – но ему за это я
служить обязан: как его вассал, других
не ищу вассалов, или же союзников, –
тем, что назначил Бог, вполне довольствуюсь
и лишь убыток вижу в грешной прибыли.

Сатана

935 Но кто ж отвергнет дар, другим предложенный?

Адам

Кому даритель столь же, сколь и дар, не мил.

Сатана

Однако пользы в войнах бесконечных нет.

Адам

И нет ущерба: страха и надежд я чужд.

Сатана

Нужда несчастных для счастливого выгодна.

Адам

940 Что совесть позволяет, то и выгодно.

Сатана

Препятствует ли совесть заключать союз?

Адам

Зовешь союзом общность преступления?

Сатана

Все, чем владею, тем владей и ты равно.

Адам

Что можешь кроме зла ты дать, делись своим?

Сатана

945 Вредить не стану, помогу, где следует.

Адам

Что ты поможешь, кто же мне поручится?

Сатана

Клянусь, ручаюсь, слово и обет даю.

Адам

Злодей, изменник, вероломный, изгнанный.

Сатана

Клянусь великого Бога волей вечною.

Адам

950 Он ныне в небе без тебя обходится.

Сатана

Коль лгу, пусть вечно гнев его казнить меня.

Адам

Бойся ль казни, худшим не испуганный?

Сатана

Я помогаю другу...

Адам

Да: погибать с тобой.

Сатана

955 Коль ты, упорством безрассудным движимый,
не хочешь мира, – ныне же вражду мою
и гнев познаешь. Вечно ковы злобные
готовить стану, вечно буду враг тебе.
Дня не увидишь без войны иль хитрости, –
960 из сердца ярость не уйдет возникшая:
ты, отказавшись быть моим союзником,
со мной разделишь кару, – зреет месть моя.

Адам

Ярись, свирепствуй вволю: я условия
войны приемлю, не боясь угроз твоих.
965 Кто доступа в сердце стрелам не дает твоим,
Того любви Божьей щит тройной хранит.
Бояться Бога – вот приют надежнейший.
Изгнанник, прочь.

Сатана

Вас также ждет изгнание.

Хор
Асклепиадовы стихи

970 О Евфрат, что рожден дальнею Капотой,
ты, прорезав страну горной Армении,
долу с Тавра скользишь тученосителя;
ты, набравшийся сил у Каппадокии,
тут лишь волю даешь буйству течения,
после мчишься стремглав в земли закатные,
но склоняешь свой путь к Нотам, несущим дождь,
975 нет иных берегов, больше прославленных,
стиснув коими ток, ты бы катиться мог,
чем святые места присноутешные,
где Эдем, в четырех руслах обласканный,
где обильна земля, где, перемешаны
980 с почвой, воды твои гуще становятся.

Здесь десница творца рощу обильную
украшает древес разнообразием.
С веток виснут плоды ношей тяжелою:
985 Смоквы сочные здесь, сливы душистые
и каштаны среди Крустумерийских груш ¹⁶;
там на листьях лежит скрытый двустворчатой
скорлупою орех, рядом миндаль, за ним
мушмула меж ветвей виснет пурпуровых;
990 вишни спелые есть, а земляничины
с шелковицей одним пурпуром крашены.
На лугу посреди сада Эдемского
Вседержителем два древа посажены:
вечной жизни одно символ, другое же –
995 знаменует собой знанье двоякое:
плод запрещен его, кара за тяжкое
преступление – смерть: ибо страдания,
беды с тяжелой нуждой, старость тяжелая,
смерть и все, чем еще будет чревато зло, –
1000 за корою его скрыто запретною.
Под платаном густым здесь возлежа, Адам,
перевивши виски зеленью лавровой,
наг, с женою своею нежною (а хочет он, –
так воссев на берегах тока Ассирии), –
1005 прославляет дары мощи божественной
песни летом святым, сладостно льющейся.
Песнь слышав, летят ближе пернатые,
сладко вслед ей звучит песнь соловьиная,
подпевает Евфрат ¹⁷, тихо струящийся.
1010 Уступает ему Нил, истекающий
по семи рукавам в море широкое,
Нил, поющий Фарос ¹⁸ влагой обильною;
и с летящей стрелой сходно несущийся
1015 Тигр, чье русло с его руслом встречается;
и по Индии Ганг жаркой струящийся,
златоносным своим током прославленный.
Человеков чета! – ежели любо вам
жить в блаженстве таком – бойтесь, бойтесь
1020 волю Бога презреть Законодателя.
Не срывайте же плод древа запретного,
всех родителя бед. Кара великая
ждет ослушников. Се зрите, как Тартара
утесняет тюрьма скованных демонов,
от эфира границ отчего свергнутых.
1025 Если Божья мила щедрость, и если страх
пред Господом есть, если к Отцу – любовь,
жизнь получите в дар вечную, род людской
навсегда обретет долю блаженную.
1030 Заключенный союз с парой супружеской
будет силу иметь и для потомства их:
все наследники их божией милостью

буду осенены: о добродетельных
позаботится Бог меньших не менее.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Ямбические триметры

Ева. Сатана.

1035 Зачем тропою тварь сия обходною
петляя, держит путь ко мне извилистый?
Шипя, вращает головой хохлатою,
язык трехжальный бьется и глаза горят.
Воздета гордо шея, грудь отмечена
1040 раскраской редкой: голубыми знаками
круглятся пятна, и сверкают золотом
полос извивы; кольцами блестящими
свернулось тело, и спина – в круги свилась.
Теперь на шее гибкой клонит голову,
1045 вот, обернувшись, устремленным взором зрит
с главою рядом хвост, узлом завязанный.
Но кто б то ни был, он сюда ко мне ползет,
простерся рядом, низко изгибается,
свивая кольца возле самых ног моих,
глядит, как будто – диво! – может слово речь.

Сатана

1050 Конечно, слово пользы я могу изречь,
и не премину. – Радостно, что в ваши я
вступил владенья. Мощными объятьями
просторный воздух их объемлет; твари все,
на суше, в море, в воздухе живущие,
1055 довольны этой долей: подчиненному
всего важней от диких не страдать господ,
людским приказам внемля: коль правителем
ум управляет, – не позор служить ему.
Одним смущен я: благ податель (так ведь он
1060 желает зваться) запретил, чтоб ели вы
плоды вот эти. – Зависть право, странная:
ужель отдавший Землю во владение
не хочет, чтобы Садам наслаждались вы?

Ева

1065 Но и деревья все, какие здесь растут,
и плоды любые – все они для нас растут.
в Саду есть можно все, что только глаз узрит;
и только древа, посреди стоящего,
плоды запретны меж ветвей изогнутых, –
1070 Отец Великий повелел не трогать их,
чтоб с жизнью ненароком не расстались мы.

Сатана

Не верь, что только яблоко одно сорвав¹⁹, –
тотчас вы смертью верной умереть должны.
И как погибнут те, кого назначил Бог
1075 для вечной жизни? – Судьбы управляют всем²⁰:
вперед известно, что свершим, и бедствия

нас постигают свыше. Богом писаны,
 живут законы вечно; обусловлено
 своей причиной, все, как надлежит, идет.
 1080 Строй верный, должный чин и воля Божия
 грядущим правят: ежели хотят они –
 смерть неизбежна; не хотят – так можете
 рвать безущербно, не терзаясь страхами.
 Они, конечно, не хотят, и вас – не ждет
 летейский жребий, или мука смертная.
 1085 Да и смерть, поверь мне, есть не что иное, как ²¹
 черед извечный перемен бесчисленных.
 Все, созданное, чтобы быть, погибели
 не зная, гибнет вечно, – всякий день несет
 1090 смерть и рожденье вместе, два врага всегда
 в борьбе и – побеждают одновременно.
 Смерть есть путь к жизни, а рожденье –
 к гибели, –
 что мнится казнью, то считай естественным.
 Не след бояться смерти, – умерев вполне,
 воскреснешь, лучшим став, таков ведь тел закон:
 1095 всегда стремиться к доле совершеннейшей.
 Но, может, мнишь ты, будто смерть душе
 грозит? –
 Вдвойне ошибка: души только действуют ²²,
 но не страдают; гибель – это длительный
 1100 распад состава, а у души ведь нет частей,
 и ей ущерба нет от бега времени.
 В себе живая, не извне заимствует
 жизнь для другого: свой она сама исток.
 И меня, конечно, трудно убедить, что Бог
 быть бесполезным этот плод навек обрек.
 1105 Ведь всякий знает: все, что Богом создано,
 хвалы достойно: быть и быть благим – одно ²³.
 Дала природа каждому для свойственной
 рождаться цели, быть велев не попусту.
 1110 Сочтя недолжным то вкусить, что создано,
 винишь десницу, скверное создавшую.
Ева
 Не знаю, в чем тут дело; но что должно мне
 приказ исполнить, – знаю: так ведь Бог велел.
 Я, впрочем, помню, что, передавая нам
 1115 Сад во владенье, Бог свое условие
 затем поставил, чтобы древо, зnanье дав
 добра и вместе зла, не осквернило нас. –
 Дарящий, вправе дать закон даримому.
Сатана
 Зачем же древо не вошло в даримое? –
 1120 Ведь повелел Он, чтобы земли с водами
 вам подчинялись: древо же – как некая
 часть мощной суши – ставит под сомненье дар.

Коли он вправе часть своих даров отнять,
когда захочет, – много ль в даре милости? –
Со всем проститесь, – коль назад потребует.
1125 Нет Богу, если щедр и неизменен он, –
менять хоть что-то не пристало в созданном.
Сама подумай: в этом нечто важное
должно скрываться и, поверь, скрывается. –
Он благо прячет, кое плод в себе таит
1130 и хочет знанье, как добро со злом сплестать,
от вас скрывая, только для себя хранить.
О мерзкое рабство, о служенье тяжкое
тому, кто только о себе заботится! –
Дурным зовется тот, кто лишь для себя хорош.
1135 Что здесь, забота или же – презрение,
раз все вершит он ради славы, лучшее
себе оставив? О ярмо несносное!
Чем несвободным быть, не быть – не лучше ли?
Сто верных ратей воинства небесного, –
1140 блаженный жребий коим был в вину вменен,
чья мощь – завидной мнилась, грозным – равенство, –
Тиран низринул и отправил в тяжкое
изгнание: небом вскормленных на мрак обрек
тюрьмы подземной, – молят те смиреннейше,
1145 готовы, коли есть вина, признать ее,
но он, жестокий, их не внемля жалобам,
казнит несчастных непрерывной мукою.
Коль в самом начале царства столь недавнего
столь вознесенных он столь тяжело теснит, –
1150 что ж будет дальше? – Годы царства долгие
каким пожаром нетерпимый дух зажгут?
Не благо ль – угрозу по чужой беде узнать?
Будь в нем любовь к вам, – смертью не пугал бы вас,
любви ж, как видно, нет. – Так что ж, разбив ярем, –
1155 освободитесь! – вы ведь на своей земле, –
здесь не эфирный свод, еще небесное
не разместилося в этих землях воинство.
Гоните рабский страх, облекшись мужеством, –
опасность не осилить без опасности²⁴,
1160 в неверном деле доблесть дело верное.

Ева

Прочь, прочь изыди мысль, что жало зависти
Его терзает, или что от благ чужих
Он страждет, – давший их и всем владеющий.
Земли владыка и даритель станет вдруг
1165 жалеть о древе? Если ж сатанинскую
казнил он злую стаю за восстание, –
мне что за дело? – видно, казнь заслужена.
Но объясни мне, всех одолевающий
умом животных, сей запретный плод таит
1170 какое благо?

Сатана

Имя отвечает нам.

1175 Души услада – знать, понять отличие
добра от злого, зло – не зло, когда его
познаешь; счастье для ума единое,
когда отдельных видов блеск способен он
свести к единству и узреть глубинную
вселенной цельность, всех причин сцепление
представив в духе, верх блаженства коего –
прямое знание истины незыблемой.
1180 Ведь умозренья силе пронизательной
весь мир распахнут, – к этой сила разума
стремится цели, но – чем больше найдено,
тем больше дразнит то, что не изучено.
Так вечно страсть к познанию возбуждает дух:
не то, что знает, ценит он, а то, что нет.
1185 Лишь Бог все знанья может без труда вмещать,
поскольку сами те ему предносятся;
сам всеискусен, без науки мудр, других
лишил того же: либо существам живым
ума он не дал, либо – это ль правильно? –
1190 дал, но – увечный, слабый, путь же к мудрости
он переполнил тяжкими страданиями.
И даже с вами благом сим не делится,
хотя сулил вам дать свое подобие.
1195 У вас есть право, требуйте, обещанный
возьмите сами дар: что скаред-Бог сокрыл,
даст это древо, тайных сил вместилище.
Бог знал прекрасно: в тот же самый день, как вы
плодов вкушенных сок живой впитаете, –
1200 скрывавший душу мрак и тьма слепящая
тотчас исчезнут, – равны Богу станете
и различите, где ущерб, где польза вам.
Вот смысл запрета плод вкушать таинственный,
вот смысл пустого смертью устрашения, –
чтоб, испугавшись зол, вы благ не ведали.
1205 Поверь совету: для восстановления
прав ущемленных случай упускать нельзя. –
Бери чужое, чтобы сохранить свое!
Положим, ныне оный свода быстрого
правитель вырвать мыслит прежде данное, –
1210 он – мыслит, ты же – сделай, хитрость выдумав.
Ведь очень сложно славу сохранить, коль ты,
владея старым, не стремишься к новому:
благ бремя рухнет, придавив хозяина.
Братъ прибыль – бегство от урона лучшее.
1215 Смотри, коль можешь видеть, что свершается:
один укус – и вы богами станете.

Ева

Ужели разум также и в груди других

живет животных? – Эта тварь несмысленна,
но так не мог бы молвить тот, в ком смысла нет.

1220 Поесть запретных сих плодов отважиться
меня склоняют и его настойчивость,
и любопытство. Но, пожалуй, лучше мне
чувств обольщение одолеть коварное,
чем наслаждений подлинных лишиться себя.

1225 *Сатана*

Нельзя позволить, чтоб пустая мнительность
тебя смущала, – естеству противиться
безумье: верь мне, все, что привлекательно,
то допустимо, – зову чувства следуя,
1230 сама с собою битвы не завязывай²⁵.

Ведь мать-природа о живых заботится
и дарит чувства в качестве вожатого, –
воспринимая внешний вид вещей, они
о свойствах судят: если вещь полезная,
1235 охота тянет к той, что благом кажется,
от вредной – гонит; ведь желанье, данное
душе недаром, мчится к цели собственной.

Все то, чей запах, вид, а также вкус влечет, –
природе мило: ибо запах, цвет и вкус

1240 и все такое – пользу не в себе несут,
но лишь охоту будят к вожделенному,
даря усладу благам потребляемым

Вождем поверив этим, дай желанные
1245 плоды утробе, – дотянись до дерева,
сорви золотое бремя, ветви гнущее.

Теперь осталось только поднести к устам, –
и эта малость даст тебе величие.

Ева

О плод сладчайший, до чего ж твой вид моим
глазам приятен, как же запах нравится!

1250 Когда б, отринув страх, тебя я есть могла,
твой вкус отведать, свойства величайшие
познать, которых видеть не дано глазам.

Не ясно ль разум учит, что ни телу смерть
грозить не может, ни душе? – Но страх пустой

1255 смущает мысли. Разве зависть Божия
видна не ясно из запрета плод вкушать?

Не ясно ль также, сто сравниюсь с Богом я,
когда познаю, что приносит пользу нам,
что – вред и горе? И не уверяют ли

1260 в том ощущенья, что вкушенье – сладостно?
Так отчего же страх пронзил суставы мне²⁶,

и леденящий ужас вглубь костей проник?

Причин для страха – нет, но страшно все-таки.

1265 Приблизить сладко плод, и все ж десница мне
не служит, словно бремя не по нраву ей,

– прочь устремилась, плод бежит от губ моих,

уста немеют, бед предчувством скованы;
Трепещет древо на земле трясущейся, –
1270 что хочешь ты сделать, женщина? – Благ подателя,
кто создал все, блаженством одарил тебя
и всем созданьям предпочел единую, –
его покинуть хочешь, двум несмысленным –
ползучему гаду и чувствам своим – доверившись?
1275 Поверь наказам лучшим: если смерть тебе –
ничто, – пусть щедрость остановит Божия.
И она не может? – Пусть удержит зла боязнь.
Взвесь то и другое: здесь добро наличное,
там зло грядущее; мысли разбегаются,
1280 и ум трепещет и решить колеблется.
Душа, почто ты медлишь, и вопросами
себя терзаешь, и решение легкое
никак не примешь? – Узел разруби, решишь.
Сломай препоны и освободи себя.
1285 Представь, насколько щедро наградит тебя
плод заповедный: все, что есть, познаешь ты
и станешь новым богом, – стоит пробовать.
Людскую долю лишь один укус решит.
Ведь не в тебе лишь дело: ты сейчас помочь
1290 потомкам можешь на тысячелетия.
Рабами лучше быть или свободными,
людьми иль богами? – Чей удел блаженнее?
Узнав, конечно, Бог меня простит за то,
что лучше Бога ничего не ведаю.
1295 А если, строгий, Он не даст прощения
за мой проступок, – то сочтет нечестием
уже и это, – ибо часть немалая
греха свершилась: я коснулась дерева,
плод мною сорван, я на то, что худшим он
1300 сочтет, решилась; что бы я ни сделала, –
грех будет тот же, – и почти свершенное
в вину вменится. Стоит ли, раз сделан шаг,
на место ногу возвращать ступившую?
Смешно и глупо мерой грех вымеривать ²⁷.
1305 Виною новой прежняя избудется.
За ослушанье высшей воли Господа
Величье Божье может обвинить меня,
но также может от вины успех вины
избавить ²⁸: это, это лучше выбрать мне.
1310 сверши, десница, устремись к устам, давно
того просящим жадно, что сей плод таит.
Уста, вкусите древа плод счастливого,
затем во чрево дайте вход вкушенному.
О, вкус сладчайший, о, сколь это лакомство
ласкает нёбо, о, сколь сок мне нравится!
1315 Ублажена я! – Остается только мне,
чтоб муж причастен блага стал толикого.

Сатана

Конечно, станет, ты еще оценишь прок
моих советов, – лишь поймешь, в чем дело здесь.
1320 Узнаешь благо и, поверь, узнаешь зло, –
ни на день с этим знанием не расстанешься,
с родительницей схожих и детей родишь.
Сейчас прозреют очи, и увидишь то,
что ныне скрыто, а чего ж еще желать?
1325 А вот – приметой первой доли избранной –
твоего супруга случай благой ведет сюда.
К себе я молча уползаю в логово,
а ты супругу редких яств отведать дай.

Адам, Ева.

Ямбические триметры.

Весь сад неспешным шагом, с остановками,
1330 пройдя, вернулся снова, наконец, туда,
откуда начал я пути свершение.
Первоначало странствий – древо оное,
символ священный жизни нескончаемой.
Широким кругом обойдя по берегу
1335 все остальные и насытись каждого
плодами, снова здесь я: мне не встретилась
жена ни разу, – я тревожусь: где она,
какими голод утоляет яствами?
Ужель? Ее ли вижу? – К ней приближуся.
1340 – Где ты скрывалась и какую пищею,
подруга ложа, тела подкрепляешь мощь?

Ева

Под этим древом ложе травы выстлали,
оно и тенью нас дарит, и кормит нас.

Адам

Что вижу? Не его ли Бог бежать велел?
И не с него ли запретил плоды срывать?

Ева

1345 Его касаться нам он запретил, Адам,
плодов – страшиться требовал, поэтому
мне и не страшно. Глянь, его румяный цвет
пленяет взоры глаз, – а что, по-твоему,
внутри за этим скрыто благолепием?

Адам

1350 Дрожь ледяная члены бьет безвольные,
стою безжизнен, вздыбясь, стынют волосы.
Едва дыханье путь со стоном тягостным
себе находит. Диво зри великое,
всяк зритель мира: человек дрожит, стена.
1355 Что слух сразило? – Не напрасны, чувствую,
законы Божьи: мнится мне, что смерть пришла.

Ева

Адам, поверь мне, нет причин для ужаса,
и нет для вздохов никакого повода.

1360 Отважься лучше, и прими с веселием
сей плод, рукою сорванный супружеской.
Адам

Как? Мне, приказы презирая Божии,
за нечистой следовать чистому, мужу – за женщиной?
Ева

Достойней, если плод принять решишься ты,
а не решенье примешь недостойное.
1365 Судить поспешно – то же, что ошибочно.
Ты громогласно осудил невинную,
но сам исходишь из предубеждения.
Да, я свершила, но не беззаконье, нет.
Адам

Приказ хозяйский презирать законным мнишь?
Ева

1370 Да, коль правитель держит скиптр неправедный.
Адам

Люби, когда он справедлив, а нет – терпи ²⁹.
Ева

Считай, что рабство хуже даже гибели.
Адам

Великому Богу служить – свобода высшая.
Ева

Тогда не лучше ль постараться Богом стать?
Адам

1375 Из человека – Богом? – Мысль безумная!
Ева

Позволит древо, пред тобой стоящее:
добру научит нас.
Адам

Да, но и злу – оно.
Ева

Твой достохвальный Бог гордится знаньем зла.
Адам

Чтоб с ним не знаться; ты – зло претерпев, поймешь.
Ева

Прочь, предвещанье, я не стыжусь свершенного.
Адам

Греха чуждаться – добродетель первая ³⁰,
а стыд – вторая; невозможно бывшее
небывшим сделать, но другой остался путь:
1385 туда вернуться, где вернее было бы
век оставаться. Поздний к благонравию
возврат нелегок: но – кто сокрушается
и зла стыдится, – близок к невинному.
Верь, что прошение рядом, коль опомнишься.
Ева

1390 Сколь несдвигаем Бог в любви ко мщению,
суди по казни рода сатанинского.

Так в чем надежда?
Адам
 Ева
 В том, чтоб не отчаяться.
Адам
 Побойся Бога.
 Ева
 Что бояться равного?
 Адам
 Погибнешь!
 Ева
 Буду жить!
 Адам
 Ждет казнь!
 Ева
 Награды жду!
 Адам
 Чем, горькая, стала?
 Ева
 Богиней.
 Адам
 С чьей же помощью?
 Ева
 Вот этого древа.
 Адам
 Бог велел бежать его.
 Ева
 Причина – зависть.
 Адам
 Думать так – нечестие.
 Ева
 Прошу, во имя верности супружеской,
 моих объятий ради, ради глаз твоих,
 1400 и ради – если были – мигот нежности –
 меня не бросить, быть моим союзником,
 остаться верным договору брачному.
 Коль не отвергнешь ныне этих просьб, – тогда
 блаженной доли станешь сопричастником;
 а нет (но это – прочь!) – тогда несчастья
 1405 мои умеришь нежным утешением,
 трудом совместным, мудрыми советами.
 Судьбу любую мы делит обязаны,
 беда ли, счастье ль, – ты не оставляй меня;
 и не тревожься – все удачно сложится.
 1410 Мой дух счастливый горд судьбой божественной,
 и ты блаженным станешь: мной вкушенный плод
 был мне на пользу, главное же, ясно мне,
 что безущербно все и рвать, и есть могу.
 Но я тревожусь и забочусь преданно,

1415 что ты терзаний грузом брeменишь себя.
Когда над выею вносит Суеверие
ярeм тяжелый, – ты доволен, рабствуя.
Пока блаженным мнишь себя и зло бранишь,
1420 Сам отвергая дар, тогда заслуженно
им не владеешь. Но зачем терзаешься
и ум свой губишь? – Ты рожден для высшего.
Узду рассудка отпусти, порыв ослабь,
ты с ним не сладишь: не на то, что есть, смотри, –
1425 на то, что может быть твоим; а подлинно
твое не может дать другой, но сам же ты.
Мешает робость? – Бойся боязливым быть.

Адам

Не трусит храбрый: грех совсем не страшен мне,
а ненавистен; но любовь к Создателю
меня в оковах держит вечной верности.

Ева

1430 Любить любого – глупо, ибо сделаться
врагом он может; друга так ты выбери,
чтоб зла не мог он, даже став врагом, чинить.
Коль ты любви чистой хочешь следовать,
я не мешаю: верности супружеской
1435 что может быть лучше? – Обрати туда любовь,
куда направляет брачный обет и долг тебя.
Я ль допустила что-то, что унизило
тебя, супруг мой? Так зачем ты к верности
моей взываешь? Я назвалась блаженною,
1440 и муж – в сомненьях? – Я дурной поистине
должна считаться, коль Адам не верит мне.

Адам

Что делать? Будит зыбкую встревоженность
любовь двойная: здесь – к жене, там – к Господу,
велики обе, но она обидится
1445 на подозренье, Он – что оскорблен, решит.
То и другое тяжко, – приказал бы кто!
как труден выбор, мучусь, дух в сомнении,
как брег, набегом волн морских исхлестанный,
кипящих в вечной смене влагой новою,
1450 так я истерзан пылом переменчивым.
За кем победа? – Бог великий, я клянусь,
что и в супруге мило мне лишь то, что в ней
Ты пребываешь, отблеск чей она несет.
Услад подруга, чьей подмогой жизнь моя
1455 цветет беспечно, плоть со мной единая, –
в чем откажу ей? Что Тебе единого
плода потеря? – Что? Закон Родителя
благого я нарушу? – А того, чтоб муж
любовь к супруге предпочел родительской,
1460 хотел не Бог ли ³¹? – Бог. – Так дай мне яблоко.

Ева

Вот Человека речь! Владей, владей, Адам,
запретным благом. Все без исключения зло
и благо ведай. Бог, презрев наперсника,
да зрит соперника, – будут и к нам с мольбой взывать...
1465 Но щеки стали бледными почто твои?
Глава трясется... – Нет, о зло, коль, ты грозишь, –
меня постигни, но над мужем смилуйся!

Хор
Стихи сапфические и адонийские

Зарыдай, влеком круговратным горем³²,
о эфирный край, и зачните песню
1470 грустных жалоб вы, быстролетны сферы.
Зарыдай, скорбя о питомцах жалких,
о земля; страдай над людским паденьем
непривычной понт потрясенный бурей.
1475 Ты, что лик дневной в золотистом беге
по ночам таишь, о Титан-кормилец,
повели себя заградить тяжелым
облакам, – узреть не пытайся даже
ты беды такой, а сиянье неба
1480 грозовые пусть стянут тучи, чтобы,
уронив дожди, над бедой Адама
воздух заплакал.

О несчастный, ты даже сам не знаешь,
скольких бед лежишь погребен обвалом.
1485 Над тобой, увы, груз каких воздвигся
незадач; храбрец, скольких волн удары
на тебя падут! Ты познаешь ныне
стыд нагих телес и решишь прикрыться
зеленью ветвей и, глупец, завесой
1490 фиговой листвы, – но нельзя, безумец,
бич стыда унять изнутри язвящий.
Что претерпишь ты, осознав злодейства
глубину, когда отомщенья кару
пред собой узришь и потом постигнешь,
что своей виной обречен на гибель?
1495 Сотни ран тебя ожидают, жалкий:
будет помнить скорбь о грехе, без счета
испытаешь бед, за спиною встанет,
урашая, смерть о каленых стрелах.
1500 На глазах красы мирозданья сгибнешь
ты, пред царской чьей трепетали властью
и земля, и понт глубокопучинный.
И кому творец дал свое подобье, –
ты умрешь, с тобой – череда потомков,
и великий род без надежды сгинет.
1505 Сколь виновен ты во грехе треклятом,
коли он гнетет и твое отродье,

коли – мягкосерд и прещедр на милость –
смерти час твоей Бог продлил и бедам
повелел твоим, разрастаясь, длиться?
1510 Нападет скуда, обессилит дряхлость³³,
и, товарка бед, овладеет плотью
хворь и та, что злей самой хвори, Старость.
Будет вечен гнет и других мучений,
вечен гнет забот, но из зол не будет
1515 жизни ужасней.
И потомков всех Гнев Природы будет,
мачехи Людей, настигать: на внуков
к преступленью страсть перейдет далеких,
к коей род людской от рожденья мечен.
1520 Будет грузом бед уязвлен наследник
за вину отца, и душевной муки
череда веков не уймет нимало.
И речет, грехом рождено бесславным,
И речет, твое, о Адам, потомство:
1525 лишь единый плод надкусив, погиб он.
И речет еще злополучный отпрыск:
матерь всех людей мнимый змей преступной
ложью соблазнил, а жена, пленившись,
мужа сгубила.

АКТ ПЯТЫЙ

Сатана

Ямбические триметры

1530 Все, что задумал, – удалось. Глава моя
теперь – превыше высших – до небес взнеслась¹⁵.
Держава суши днесь моя, и моря жезл,
и под моим просторный воздух игом днесь.
1535 Отныне казнь – любезна, ссылка – радует,
ласкает счастьем Ахеронт, Авернская
рать услаждает: пусть признают мстителя,
царя над царями. Вот теперь доволен я,
хотя доселе, человек, досель ты бед
1540 не зрил последних: сей плодоносящий сад
покинув, можешь в дальние изгнанником
стремиться земли, шаг куда угодно правь, –
бежать ты будешь по моим владениям.
Тебя – потребу Фурии – в тайнике любом
1545 найти сумею, ты нигде не спрячешься,
не станет мука меньшею от времени,
но бед сознание с каждым будет крепнуть днем.
Скитаться вечно будешь без дорог в нужде,
изгой, бездомок, жалкий, ненавидимый, –
1550 моей один ты доле позавидуешь.
Душа, от бездны сникнув бед, подземное
увидит царство. Но с тобою ненависть
моя не сгинет: ты для меня детей родишь.

Сатана, смелее, возмути весь род людской, –
1555 пусть к преступлениям рвется, гнев запретов пусть
не знает: лютый пусть терзает брата брат,
1560 пусть, преступленьем множа преступление,
возрастет в потомках ярость, – пусть крушится Бог,
людей создавший, пусть Земля-кормилица
детей-чудовищ зрелища не вынесет:
1565 захочет в древний Хаос возвратиться вновь,
зальет казнящим ливнем и себя, и их.
Адам, не правда ль, этих ты не знаешь бед?
Но ты узнаешь: все не вдруг откроется,
1570 не сразу вместе. Первым потрясет тебя
позор нагого тела: ты прикроешься,
но стыд, сокрытый под листвой, останется.
Затем охватит душу осознавшую
немое пламя, призрак злодеяния
1575 в очах застынет, потрясая ужасом.
Скорбь разрастется, станет разжигать себя,
во всех предстанет ликах, и себя сама
осудит; света белого невзвидевший,
сей стыд охватит ум до тайников его;
уйдет надежда, сникнет дух мятущийся.
1580 Хочу увидеть, как – вину сознав – в лице
меняться станет, как, остолбенеv, замрет,
как горе речью изольется свежее.
Несчастливого видеть – мало: как он станет им,
узреть желаю. Сохраню удобную
1585 личину змия, чтоб, следя за ними, сам
незрим остался, и подползу, чтоб рядом быть.
Несом летучим шагом, вот Адам сюда,
неистов, мчится, – лика цвет меняется,
вот встал, с безумным схож, и впрямь – безумствует:
1590 пойдет, застынет, прянет, встанет, – лик горит,
вновь изменился: смыт румянец бледностью;
дрожит, трясется, ропщет, стонет, плачется
и путанной речью скорби выводит тайные.

Адам, Ева.

Ямбические триметры

1590 Кто я? Что сделал? Мчусь куда ³⁵? Земля, страна
меня какая зрит, бедой объятого?
Что перед нищим: пышный ли Эдема сад,
Ахеронт ли скорбный? Мнится, вижу мрачные
приюты Фурий. Смерть, почто, жестокая,
1595 нависла сзади? – В грудь, о, в грудь рази меня!
Зришь сей подземный рой, супруга жалкая?
Я – зрю: повсюду черной Ночи лютые
отродья вьются, предвождает воинством
злодейство, буйство спеси, стыд свершенного.
1600 Тут хворей бледных рать неисчислимая,
за нею – бедность подлая, и дó-поту

труд тяжкий; следом горе приближается,
неверным шагом старость еле движется,
соседка смерти, – и со всех сторон – толпа
забот бушует. Глад невдалеке ведет –
1605 лицом угрюмый, страшный – муки тяжкие.
Неистовая Рознь, войны кормилица,
вздывает длани, кровью обагранные...
Всех не рассмотришь: беды – этой та страшней.

Ева

Безумный, гредишь, исступленьем движимый.
1610 Почто вращаешь всюду лик пылающий,
почто смятенным взором ловишь призраки?
Сдержи-ка чувства, скрой порывы дикие,
ума больного укроти волнения.
1615 Уймись и этим страсти успокой свои.
А если сразу сладить не можешь с приступом,
и трезвой меры новый порыв не ведаешь, –
то выжди время, вскоре ты справишься,
рассудком ярость обуздав звериную.

Адам

Почто не грянешь, вождь светил, со всех сторон
1620 и бури отовсюду, гневом движимый,
не вышлешь, небо тучами суровыми
застлав и ливням повелев обрушиться?
Любую примет казнь глава презренная.
1625 Простри десницу, пусть с обоих полюсов
сорвется мстящий огонь, и звездоносный свод
внезапно рухнет – тяжело и без промаха.
Пади, о небо, на меня с женой моей, –
мы заслужили!

Ева

Погоди, одумайся,
мольбы не нужно возносить в безумии:
постигнет кара вмиг, коли назначена.

Адам

Любая кара позднею окажется.
Пребыть в подземной ямине давно уже
должны мы оба. Как еще ты держишь нас,
Земля, преступных? – Настежь недра полые!
1635 Отверзлись или – погрузи себя и нас
в глубь Ахеронта: и обоих грешников
тела воспримут пусть провалы черные.
1640 А если бремя мерзкое Земля смести
не пожелает, – из лесов пусть выйдет зверь,
вкруг грозной морды вздыбив гриву яростно,
и разбросает тел куски растерзанных
повсюду, или клювом птица хищная
1645 пронзит нам чрева, или пусть Эдем велит,
узнав злодейство, чтобы роща целая
и лес низверглись, – тяжесть многоствольную

поверх воздвигну тела и под грудую
деревьев Сада сгину, древо оное –
злодейства жертву – сбросив на главу мою.

Ева

1650 Супруг, о лучшем молви: кто же гибнет так,
чтоб не лелеять мысли о спасении?

Адам

Спаستись надежду мне ль хранить, преступному?
Увы, несчастный, – криков, жалоб горестных
исторгну сколько? Скольких слов достанет мне?
1655 Погибли доблесть, право, верность, счастье
и невозвратно павшее достоинство.
Закону Высшей Воли предпочли с тобой
мы нашу алчность, благу душ – страсть плотскую,
и Саду – яблоко. Впредь и дня не встретится,
1660 когда, отбросив горе, радость прежнюю
вкушать мы станем. Ждет нас горе вечное
и кара скорби: Бога мы оставили,
и Бог оставит нас. О грех, чудовищный,
злодейства мерзость, горечь и неслыханность!
1665 И ум, рожденный Богу одному служить, –
освободился и себя же сам сгубил:
быть своевольным думал, а в раны попал
простому древу. Дух, любить обязанный
Отца-кормильца, возлюбил себя; но той
1670 бедой насытый, шел стопой бесчинною
за худшим следом, тех избрав владыками,
кем прежде правил, и соседство липкое
вещей ничтожных волей утвердил своей.
1675 Расстанься с телом, коль расстался с Богом ты
о дух жестокий, и освободи от мук
сей труп живущий, – казни множить нужно ли?
Могу и должен умереть, и смерть зову.

Ева

Мольбой, безумец, кару тяжелишь свою
и, жертва смерти, сам же смерти требуешь.

Адам

1680 Еще до смерти гибну: отнят скорбью дух.
Преступник жалкий, Богом ненавидимый,
несчастный, ныне хоть не погребен, но мертв.
Зачем отсрочка этой кары медленной?
Зачем погибель длить мне, изнемогшему?
1685 Остаток жизни отсеку рукой своей,
по праву строгой. Труп – гробницы требует.
Зачем живому гнить в разлуке с Манами?
Один я брошусь в водопад стремительный
там, где, вскипая, гонит воды вниз Евфрат, –
1690 рекой несомый в воды Эритрейского
извергнусь моря. Ты, рука, слугой была
злодейства, ныне будь слугой возмездия.

Круши ударом глотку, коей яблоко
передавала, частыми ударами
1695 порви желудок, вынь утробу мерзкую
с недолжным яством, вырви сердце, падкое
до преступленья, – бей, любой удар хорош,
любая рана. Смерть злодейство вылечит.

Ева

Злом зло казнящий множит ненавистное.
1700 Себя достойным смерти счел, но значит ты
достоин жизни: большим наказанием
жизнь остается, коли смерти требуешь.
Оковы руша, не душа от тела пусть
1705 бежит, а тело от души. Дождись-ка дня, –
назначенное время подойдет, и дух
само отпустит тело ослабевшее,
и Бог, податель жизни, разомкнет ярмо:
умрешь по воле Оного; а днесь, ярясь,
прошу, насильно не гони судьбу свою.

Адам

1710 Слепая ярость стыд не угасила мой,
чтоб взором грешным я не зрил того, что есть.
Все: рыбы, птицы, скот и звери дикие, –
я вижу, – чуют кару за вину мою,
1715 вопят согласно: сгинь, погибни, смерть прими,
земле и небу проклятого долее
дозволь не видеть, – дух извергни гибельный.
Я подчиняюсь: мир очищу девственный,
не стану спорить, – справедливы просьбы их.
1720 Не вижу смысла душу здесь удерживать –
на этом свете, – блага все утеряны:
владенья, счастье, радость, здравомыслие;
но жизнь – осталась, – расстаюсь охотно с ней.

Ева

Почто стремишься к смерти гнусной сам, супруг?
1725 Куда, безумец, рвешься? Ведь, глядишь, пожив,
умрешь достойней: можешь ты со временем
себя поправить; ну, а грех твой нынешний, –
в нем я виновна, мной и казнь заслужена.
Тебя я, горькая, сбила, мне ль еще вершить
1730 зло, и – прямое? Эту одну беду избудь.
Супруг, поверь мне!

Адам

Раз поверил, хватит мне!

Ева

А меня – убьешь ли?

Адам

Нет, я лучше сам умру.

Ева

Хоть и нет в том смысла, и нельзя утешиться

в великой скорби, все же, прошу, короткую
1735 спокойно жалкой речью супруги выслушай, —
ту, что, скорее, ты бы должен молвить мне.
О, Рок, пусть в муже дух подымет женщина,
хотя бы самый пол забыл обычай свой!
Кого советом ты, жена, сгубила, днесь
1740 спаси советом, молви слово лучшее.
Не жду, чтоб тут же ты мученья сердца все
смирил и скорби хладнокровно вытерпел,
себя осилив, — несмотря на то, что муж
и должен с горем биться, а не бед бежать, —
1745 но только, чтобы жил ты, я молю, Адам.
Ты видишь храбрость и души величие
в презренье к смерти, я, напротив, думаю,
что тот, кто трусит жить, есть трус поистине,
тот презирает смерть, в ком жажды смерти нет.
Ты — муж, на доблесть положившись, твердостью
1750 смири несчастья, а не длань свою казни.
Напрасны пени: гибель — неоправданна;
заслужишь гибель, только сам себя сгубив.

Адам

Блеснул откуда луч толикой доблести
1755 в толиких бедах? Верно ль, кто-то мудр еще,
в советах делен? Многое из слов твоих
рассудком здравым знаю, но толкает скорбь
вослед безумству: зная, в бездну мчится дух,
решеньям здравым не желая следовать.
1760 Безумца может ныне лишь безумие
безвинным сделать, оправдав преступного.
Подруга в бедах, мужа нечестивого
оставь, свершиться казни дай назначенной.

Ева

О, ради святого таинства брака и ради прав —
1765 как ей ни зваться — близости: как дочь молю,
от тебя происшедшая, иль как сестра, — отец у нас
один с тобою, или, верней, как жена твоя:
со мной останься! — Помощь мне твоя нужна
в превратной доле, ты один повергнутой
1770 опора, — тяжким сокрушенной бедствием,
пока возможно, дай надежду, что весь род
людской не сгинет с гибелью единого.
Тебя несчастья и утраты мучают,
но сам подумай: ты — вершины бед достиг,
1775 что смерть исторгнуть может, то исторгла жизнь,
нет зла в грядущем, новой нет опасности.

Адам

Смерть будет благом, коли стольких бед лишит,
иль облегченьем, коль не будет худшего.
Любезна гибель, — не взывай же попусту.

Ева

1780 Что ж мне, вдовою, брошенной скиталицей
бродить в пустыне со зверями дикими?
Коль ты взыскуешь благочестья подлинно,
убей меня – по праву: ты – греха не знал,
я – научила; выно ищешь – вот моя;
1785 и если жаждешь сокрушить безвинное
доселе чрево – живота округлого,
вот, рушь преграду. Ты боишься зло свершить,
раз я внушаю? Что с тобой? – Удар готовь.
А не захочешь, – я сама свершу, жена,
не женский подвиг: я убью, виновная.
1790 И если даже кормчий неба в недра мне
метнет трехжальный огонь сверкнувшей молнии, –
то будет кара, равная вине моей.
Жена виновна: мало, что сама грешна, –
на грех – толкнула; и – коль пощадишь меня –
1795 рожу греховных. Дважды зло содеяла:
ошиблась, обманула; ныне – третье ждет.
Что, робкая, медлишь? Злу научив, почто теперь
казнь отвергаешь? Дух, почто колеблешься?
Страданья, скорби, слезы, беды, горести
1800 терплю без меры – это мой пред Богом долг.
А чем воздам я мужу? – Первой смерть приняв.
И как ни горько, но умру я все-таки
женой Адама, – день, прогнавший ночь, меня
вдовой не будет зрить. Пойми, вина твоя –
1805 в твоих сомнениях; но не будет третьего:
иль жизнь, иль гибель. Если же по нраву зло, –
другое рядом, – я готова; вот мой путь:
живу – с тобой лишь, ты же – смерть со мной дели.
Что б ни решил ты, – все не без меня свершишь:
1810 умру я – первой, за живым – вослед пойду.

Адам

Супруга, полно, полно, подчиняюсь я.
вновь подчиняюсь. Правые, неправые
смирив порывы, укрощаешь пыл во мне.
1815 И пусть за этой болью – не умирать – придут
другие боли, – откажу ли в чем, жена?
Прикажешь ты – и Божьих слов послушаюсь,
Прикажешь ты – и бремя жизни вынесу.

Ева

Откуда этот шум? Я слышу, буйные
1820 ярятся ветры, рокот устрашающий,
вселяя ужас, с высоты доносится.
Земля, внезапно долгий стон издавшая,
сотрясшись, к небу воздымает вопль слепой
и оседает. Сад, вершины вниз клоня,
1825 трещит великой силы треском, ужас все
сотряс деревья, вздыбил лес листву свою.

Адам

1830 Душа трепещет, дрожь по телу; члены все
немеют, стынет кровь заледеневшая.
Каратель злого дела, свой Указ блюдя,
закон отмщая погранный, се Бог грядет.
1835 Туда спасемся, где деревья частые³⁶
не пропускают света, в гуще скроемся
листвы. Сознание горькое вины опять
меня бичует, я то ал, то бледен вновь,
и скрыт листвою, мнится, недостаточно.
1835 Я зрю нагое тело! Горе! Чем помочь
листвы прикрытье может? Стыд – внутри, внутри.
Жена, какая казнь с виной сравняется? –
Погибнем оба. Тщетны все мольбы твои.

Глас Божий, Адам, Ева.
Ямбические триметры и трохаические тетраметры

1840 Адам, в какое ныне мчишь убежище
и где таишься? От Того, Кто видит все,
Кому открыто все, Кто вездесущ, – ужель
сокрыться хочешь? Я к тебе зываю, Бог,
пред кем – могучим стражем справедливости –
и быстрый неба свод и груз Земли дрожит.
1845 Тебя Я создал, причастил создание
даров великих. Сын внимай родителю,
слабейший – другу, ныне раб – хозяину:
Изыди, беглый.

Адам

Подчиняюсь, грому вняв,
1850 Правитель грозный, над священной рощею.
Сотряс суровый говор ветра Сад, досель –
обитель счастья. Тело охватила дрожь,
затрепетал я. Твоего величия
лик непривычный, устранив, прогнал меня.
1855 Тогда понятный стыд возник, неловкостью
рожденный: ибо в наготе, листвою едва
прикрытый, ныне я на суд явился твой,
каким был создан.

Глас

Наготы сознанию
кем ты научен? В этих землях нет того,
кто объяснил бы; ведь обычно вслед вине
1860 стыд возникает и живот в познавшем зло.
Всю правду ныне молви своему судье.
И оправданья – да не отягчат вину –
оставь пустые. Уж не съест ли яблоко
с ветвей запретных ты посмел и мой презреть
1865 закон, грозящий смертью, тварь неверная?

Адам

Я не виновен, вся вина – на женщине:

ее ты в помощь доле дал моей, она ж
меня коварным словом и, пример подав,
смutila: съел я.

Глас

1870 Мужа беда, жена его,
скажи, причина в чем сего безумия?

Ева

Твоей, Создатель, созданный десницей змий
меня коварством ввел в соблазн, несчастную;
я невинна: пол мой слаб пред хитростью,
и вот, прельстившись, я вкусила яблоко.

Глас Божий

1875 Змий, ко лжи чрезмерно склонный, длань Создателя тебя
к пользе людей определила, ты же вероломно их,
мерзкому служа злодейству, предал, хитрость выдумав;
ненавистный прочим тварям, избегать живых существ
станешь и обращать их в бегство, выделяя страшный сок.

1880 Будешь веять грозным ядом, черной смерти вестником,
на себе несущей знаки приговора Божьего:
не в пример скоту и зверю, коих кара тяжела,
тяжелей наказан будешь: те, в себе безвинные,
скорбь хозяйскую узнают, ты же будешь век терпеть
1885 горе за свое лукавство: раз, тобой ведомый, мысль
человек на эту землю обратил с небес, то ты
будешь вечно пресмыкаться и, пригнувшийся к земле,
поползешь на чреве, тела не подымя силой ног.

1890 И тебе прокорм придется добывать с таким трудом,
что, сокрывшийся в прокопе черной пористой земли,
прахом в пору зимней стужи будешь голод утолять.

И покуда жизнь дарует вдохи выдохам вослед,
не насытит ни единый день прожорливой алчбы.
Сатана, людей губитель, змия оболочку взяв,
1895 ты зачаровал коварным измышленьем женщину;
твой мятеж не только в этом, – за злодейство прежнее
изгнан с неба, осужденный казнь терпеть жестокою,
днесь ты места не оставил злу еще лютейшему.

Но твои надежды тщетны: по желанью твоему
1900 преисподней господину я не выдам женщину.
Пусть она и заслужила, но тебе ее не взять,
хоть лукавством вероломным соблазнил ты слабый пол.

Света прежнего крупицу как залог спасения
я в душе людей оставлю, и не дам угаснуть ей.
1905 Битву во взаимной злобе, непрерывный вечный бой
женщина и ты начнете: сам же я возжгу огни.

В сердце женщин, чья природа только в том, чтоб потакать
гневу тяжкому, упрямым правом порожденному,
им внедрю я пыл враждебный, лютой злобой

наделю:

1910 будет их питать безмерно и не сможет остудить.
Ваш раздор продлю надолго – до скончания веков,

чтоб жены восстала отрасль против рода твоего,
 и потомков поколения изнурялися в борьбе.
 САМ грядет, облекшись плотью человеческою, Бог,
 1915 не от мужа рожден, но только от начала женского;
 Он из чрева Девы выйдет, рода людей Спасение,
 Триумфатор, изотрет он гордую главу твою
 и, сразив заразу злую, ход времен замкнет в кольцо.
 Праведников рать, ведома Им, с оружием в руке
 1920 тучную возьмет добычу и одолеет мощь твою.
 Безущербно ты не сможешь Марсом открытым выступить

 и лицом к лицу сразиться: будешь с тылу настигать
 И дерзнешь незримой только раной поражать в пяту.
 Предан муж, жена, тобою; хитрым увещаниям
 1925 ты уступчива чрезмерно, много бедствий ждет тебя.
 Сотни новый болей будут сотней способов терзать,
 И, под материнским сердцем понеся зачатый плод,
 ты, недужная, не будешь даже чувствами владеть,
 жертва страстей разнообразных, чуждых смыслу здоровому.
 1930 Наконец, по истечении месяцев назначенных,
 в лютых муках груз избудешь бремени созревшего.
 Ждут тебя терзанья чрева, труд деторождения,
 на тебя забота ляжет воспитанья отпрысков,
 им ты будешь своевольно, мягкая, потворствовать.
 1935 Горем стиснута, прибегнешь к мужу только, жалкая,
 он – надежда и опора, кров твой и спасение;
 и ему, кого сгубила, – под его ярмо попав,
 ты привыкнешь подчиняться, – он привыкнет властвовать.
 1940 Ты, Адам, своей подвергнись казни, – ты главой жены,
 не слугою быть обязан, долг твой был жену свою
 удержать от преступленья разуменьем мужеским,
 а не принимать участия в совершенной мерзости;
 ты же, мой закон презревший ради женской прелести,
 заповедный плод укусом нечестивым осквернил.
 1945 Из-за тебя постигнет землю сушь, скуда, бесплодие:
 только плевелы, только терновник, только колючки родит сама, –
 все негодные растенья. Ты плодами дикими
 утолишь безмерный голод. Хлеб себе в бесчисленных
 будешь добывать заботах. По усталым будет течь
 1950 членам, от трудов уставшим, пот изнеможения.
 Сколько Солнца свет ни будет под землею восходить, –
 для тебя, страдальца, будут боли новые вставать,
 и в конце концов Адама смертный час вернет земле, –
 ибо вновь к своим началам тело возвращается:
 1955 прах еси, и праху должно обращенным быть во прах.
 Едва увидев злодеянье, вас я мог
 сразить обоих смертоносным натиском,
 а души ваши прочь во тьму подземную
 навек низринуть, но закону строгому
 1960 предпочитаю милость; утешение

несу в несчастьях, веру во спасенье дав
святым обетом. И пространство жизни вам
хочу раздвинуть, чтобы человек род,
который ныне в ваших чреслах весь сокрыт,
1965 остался. Евой нареки жену, Адам, –
она для смертных будет, кои в жизнь грядут,
родительницей первой и кормилицей,
себе подобных видом и судьбой явив.
1970 Стыдливость вашу пощажу, а вкупе с ней –
здоровье, тело дав укрыть одеждами,
из густорунных шкур овечьих сшитыми, –
чтобы порывом ветра и бесчинством туч
тепло – источник жизни – не развеялось.

Адам

1975 О злой удел! О кара, грешных ждущая!
О жизнь несчастному – долгая, жалкому – тяжкая!
Ах, сколько бедствий в этом прозябании
нас ждет, какая мука в смерти медленной!
Как это горько – стариться в несчастьях!
1980 Сатана проклятый, язва людского племени,
куда завел нас! Грех какой содеяли!
Пускай же стоны из груди исторгнутся,
вину создавшей, пусть же ливень горестный
мои ланиты бурною слезой зальет.
1985 Но плачей мало, и – от бед иссохший – глаз
не может дольше слезы лить. Так пусть удар
разит, тяжелый, грудь, пусть грудь вопить начнет,
главы склоненной космы будут вырваны,
О, я виновен, зло свершив тоlikое,
и Бог – разгневан, вижу, по вине моей.

Глас

1990 Адам, который некогда надеялся
со мной сравняться, и, познав добро и зло,
Мне стать подобным – Богу вековечному, –
каков он ныне? Цвет каков лица его?
Взыскуя больших, прежних он лишился благ.
1995 Смотреть придется, как бы он рукой своей,
сорвав плод жизни с древа, что стоит в саду
в середине самой, не решил назначенной
избегнуть смерти и всегда во свете быть.
2000 Вы, Херувимы горние, – я слугами
избрал моими вас, – из Сада прочь чету
людей гоните жалких, – пусть услад места
они покинут ныне и в земле иной
жилище ищут и блюдут родителя.
2005 Итак, у входа встаньте в Сад Восточного,
вращая копы с огненными жалами,
не позволяйте в рощу никому вступать.

Ева

Какой внезапно вспыхнул огонь, и свет блеснул?

Сад охватило пламя, и высокие
горят деревья без огня; стремительно
2010 пожар разросся, вспышки разбегаются,
как метеоры; целиком весь сад горит.
Таков он – светоч свадебный, достойный нас:
узнают люди по нему их родину.

Адам

Бежим от жара ³⁷! Се десница Божия
2015 повелевает нам уйти в изгнание.
Правитель мощный, кормчий свода звездного,
я не противлюсь, – жажду, жажду прочь бежать.
Но я шатаюсь, и колена скованы.
Шагну, но тут же против воли вспять влекусь.
2020 Куда отправлюсь? Где, беглец, приют найду?
И где останусь, пашню где возделаю?
Назначь мне угол дальний и заброшенный,
где не увижу тени блага прежнего,
где об Эдеме и его плодах ничто
2025 мне не напомнит, в беды погруженному.
О, Сад, блаженный, и весна извечная,
и край счастливый, – в коем жить недолго так,
увы, и втуне было мне позволено, –
и древо жизни, – коим насладиться мне
2030 не даст другое дерево – бледной смерти мать, –
прощайте; также ты, о брег, четырежды
водой омытый рек, и ты, Евфрата ток
блаженный, счастье ведавший души моей,
в святых напевах вам приоткрывавшейся, –
2035 и ты, о благо, Садам сим хранимое, –
прощай навеки, – больше нам не свидеться.
Один, последний, взор, и вот – прочь, прочь бегу.
Вы, губительные страсти, язвы хворей злых,
недугов слабость, бьющей лихорадки дрожь,
2040 усталость, горе, и – грядущих бед венец, –
меня ведите в скорбное изгнание.

Τοιοῦδ' ἀπέβη τόδε
Πράγμα ³⁸.

КОММЕНТАРИИ

Перевод трагедии Гуго Гроция «Адам изгнанный» выполнен по изданию: De dichtwerken van Hugo Grotius. Assen, 1970, представляющему собой фототиническое воспроизведение издания 1601 г. Sacra in quibus Adamus Exul; при работе над переводом учтен голландский перевод, помещенный в издании 1970 г.

¹ *προλογίζει* – «произносит пролог» (греч.).

² *Громовержца* – Topans. Заимствование из античной поэзии традиционное именование верховного бога; ср. ниже (ст. 2 и др.) «Тартар» и пасть Аверна» (ст. 148) в качестве названий преисподней; «Титан» или «Феб» для обозначения Солнца (ст. 316, 323 и др.); «Олимп» как название небесного свода (ст. 242, 319), и т. п.

³ *Аврантиды прекрасной доли...* – Одна из плодороднейших областей Сирии – Хауран, или Авран (греч. *Αὐραλίτις*); ср. Иезек. 47, 16. 18.

⁴ *...Нармалка, что из недр полей бежит близ Сузианы, изобильных бделлием...* – В индексе к «Адаму», помещенному в издании 1601 г., Гроций разъясняет, что Нармалка соответствует Фисону Книги Бытия (2, 11); Сузиана – ныне Хузистан, провинция на юго-западе Ирана; *бделлий* (греч. *βδέλλιον*), в русском переводе Книги Бытия – бдолах; по Иосифу Флавию (Древности III, 1, 6) – род благовонной смолы; бдолах и золото, а также сардоникс, или оникс, в земле, омываемой Фисоном, упоминает Бытие, 2, 12: «И золото той земли хорошее: там бдолах и камень оникс».

⁵ *Нарсарес* – Евфрат соединяется с Тигром рядом каналов; известны остатки канала, называемого Наар-Сарес; у Гроция, согласно его индексу, соответствует Гихону (Геону, Гиедиону). Бытие, 2, 13.

⁶ *...слугой мне будет гад...* (и далее до ст. 227) – Понимание змея Книги Бытия 3, 1 сл. («Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене...») как Сатаны опирается на текст из Апокалипсиса, 12, 9: «И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатану».

⁷ *Природы лик перевернут был...* (и далее до ст. 293). – Ср. Сенека, *Фиест*, 813–875. *Киносура* («Песий хвост») – греческое название Малой Медведицы; *Жертвенник* – созвездие Южного полушария; *Аквилон* – северный ветер; *Гелика* («Вращающаяся») – греческое название Большой Медведицы, обращающейся вокруг полюса; *Нот* – южный ветер; *Козерог*, *Рак* – знаки зодиака; *Солнце* находится в знаке Козерога в день зимнего солнцестояния, а в знаке Рака – в день летнего солнцестояния. Гроций свободно владеет астрономической проблематикой не в последнюю очередь как издатель дидактической поэмы Арата из Сол «Явления» (ок. 270 г. до н. э.), выпущенной им за год до появления «Адама».

⁸ *...бесстрашный борьбу воздвиг Михаил...* – Михаил – один из семи архангелов, стоящих перед Богом; Откровение, 12, 7–8: «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе».

⁹ *...движенья – первый двигатель – не ведая.* – Представление о Боге как о неподвижном первом двигателе, приводящем все в движение силою любви, которую Он к себе вызывает (ср. Данте, *Рай*, XXXIII, 145: «Любовь, что движет и светила», пер. М. Лозинского), восходит к Аристотелю (*Метафизика*, XII, 7, 1072 а 20–1073 а 14).

¹⁰ *...та четверня...* – Четыре элемента, стихии: огонь, воздух, вода, земля.

¹¹ *Питаюсь всякий пропитаньем собственным...* (и далее до ст. 621). – Ср. Бытие, 1, 22.

¹² *О, творец всего, благодарный славит ум тебя небывалым гимном...* (и далее до ст. 841). – Хор представляет собой переложение 103 Псалма Давида о сотворении мира.

¹³ *Кавры* (Caurus, или Coqus) – северо-западный ветер.

¹⁴ *Ты спокойно зришь врага...* (и далее до ст. 864). – Ср. Сенека. *Фиест*, 491–507.

¹⁵ *Скорей в небесных нивах злаки сжатые... вспять текущие...* Ср. Сенека. *Федра*, 572–596; *Геркулес в безумии*, 373–378; *Октавия*, 223–227; *Фиест*, 477–483.

¹⁶ *Крустумерийских груш...* Крустумерий – сабинский город к северу от Рима на левом берегу Тибра; о крустумерийских грушах говорит, в частности, Колумелла (I в.), автор сочинения «О сельском хозяйстве» (5, 10, 18).

¹⁷ *...Евфрат... Нил... Тигр... Ганг...* – Четыре великие реки; в ряде толкований Книги Бытия принималось, что под Фисоном и Геоном следует понимать Нил и Ганг.

¹⁸ *Фарос* – остров близ Александрии, на котором в 299–279 гг. до н. э. Был построен знаменитый маяк; у Гроция (по образцу Стация или Лукана) Фаросом метонимически называется Египет.

¹⁹ *Не верь, что только яблоко одно сорвав...* (и далее до ст. 1247). – В индексе к «Адаму» Гроций поясняет: «Души три: растительная, чувствующая... и рациональная – *ἀπάθης* и бессмертная; одной четыре части поочередно осаждают Сатана: разумную, пылкую, вожделеющую, чувства».

²⁰ *Судьбы управляют всем...* (и далее до ст. 1081). – Стоический тезис, примеры развития которого дает тот же Сенека в «Эдипе», 989–994 и др.

²¹ *Да и смерть ... черед извечный перемен бесчисленных...* (и далее до ст. 1095). Ср. Лукреций. О природе вещей, I, 262–265; II 1002–1005.

²² *...души только действуют...* (и далее до ст. 1102). – Представление о нематериальной неаффицируемой душе – истоке движения и самодвижном начале – было развито в традиции платонизма; совмещаемое с аристотелевским пониманием души как энтелехии вошло в учение Фомы Аквината.

²³ *...быть и быть благим – одно.* – Тезис, подчеркиваемый в философии Фомы Аквината.

²⁴ *...Опасность не осилить без опасности...* – Перефразированная сентенция Публилия Сира (№ 420 Bickford–Smith).

²⁵ *...сама с собою битвы не завязывай* (и далее до ст. 1243) – О необходимости доверять чувствам ср. Лукреций. О природе вещей, IV, 478 сл.

²⁶ *Так отчего же страх пронзил суставы мне...* (и далее до ст. 1268). – Ср. Сенека, Фиест, 985–995.

²⁷ *Смешно и глупо мерой грех вымеривать.* – Ср. Сенека. Агамемнон, 150.

²⁸ *...но также может от вины успех вины избавить...* – Ср. Сенека. Федра, 598.

²⁹ *Люди, когда он справедлив, а нет – терпи.* – Перефразированная сентенция Публилия Сира (№ 8): «Люби отца, коль справедлив, а нет – терпи».

³⁰ *Греха чуждаться – добродетель первая...* (и далее до ст. 1388). – Ср. Сенека. Агамемнон, 240–243.

³¹ *А того, чтоб муж любовь к супруге предпочел родительской, хотел не Бог ли?* – Ср. Бытие, 2, 24.

³² *Зарыдай, влеком круговратным горем...* (и далее до ст. 1529). – Хоры из сапфических и адонийских стихов у Сенеки в «Троянках» (815–860), «Эдипе» (110–153), «Геркулесе в безумии» (830–874), «Геркулесе на Эте» (1518–1606), «Фиесте» (546–622).

³³ *Нападет скуда, обессилит дряхлость...* (и далее до ст. 1515). – Ср. Левит, 26 (особенно ст. 16, 20), Второзаконие, 28 (особенно стихи 22, 27, 33, 59 – 61); ср. ниже, ст. 1599–1608, 2037–2040.

³⁴ *Все, что задумал, – удалось... до небес взнеслась.* – Ср. Сенека. Фиест, 885–886.

³⁵ *Кто я? Что сделал? Мчусь куда?* – Ср. Сенека. Геркулес в безумии, 1138.

³⁶ *Туда спасемся, где деревья частые...* (и далее до ст. 1989). – Ср. Бытие, 3, 8–24.

³⁷ К ст. 2012–2014 *«Таков он, светоч свадебный...»* – Ср. Сенека. Троянки, 1053–1055.

³⁸ *Τοιόνδ' ἀπέβη τόδε πράγμα* – «Так завершилось оное действие» (греч.).

Ю. А. Шичалин